

Николай КИБАЛЬЧИЧ

15

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Террорист-народоволец, талантливый изобретатель, автор проекта космического аппарата, публицист – это неполная характеристика деятельности Николая Ивановича Кибальчича. Кибальчич прожил всего 27 лет, но краткость жизни не помешала ему остаться в истории.

Как выходец из семьи священника стал террористом? Почему не верил в возможность изменения жизни в России мирным путем? Почему всю жизнь мечтал о создании летательного аппарата, но начал проектировать его лишь за две недели до своей казни? Жизнь Кибальчича – череда противоречий, многие из которых до сих пор сложно объяснить. Сейчас, когда прошло более века с момента смерти Кибальчича, мы можем судить о том, в чем он был прав, а в чем ошибался. Но при этом следует помнить, что он искренне верил в то, за что боролся.

- [Мария Кольцова](#)

- ☐
- ☐ [Дорога к звездам начинается в России](#)
- ☐ [Детство](#)
- ☐ [Учеба в гимназии](#)
- ☐ [Учеба в институте](#)
- ☐ [Начало революционной деятельности](#)
- ☐ [Начало работы со взрывчатыми веществами](#)
- ☐ [Крымское покушение](#)
- ☐ [Московское покушение](#)
- ☐ [Петербургская жизнь](#)
- ☐ [Взрыв в Зимнем дворце](#)
- ☐ [Последнее покушение](#)
- ☐ [Убийство императора](#)
- ☐ [Письмо Н. И. Кибальчича Александру III](#)
- ☐ [Письмо Н. И. Кибальчича Александру III](#)
- ☐ [Проект воздухоплавательного прибора бывшего студента Института инженеров путей сообщения Николая Ивановича Кибальчича, члена русской социально-революционной партии](#)
- ☐ [Основные даты жизни и деятельности Н. И. Кибальчича](#)

- [notes](#)

- ☐ 1

Мария Кольцова

Николай Иванович Кибальчич

***19 (31) октября 1853 – 3 (15) апреля
1881***

Серия «Великие умы России»

Редактор серии Владимир Губарев

© АНО «Ноосфера», 2016 год.

© ИД «Комсомольская правда», 2016 год.

* * *

Дорога к звездам начинается в России

Николай Кибальчич, письмо в Вологду, 5 марта 1881 г.: «Дорогой друг! Податель сего расскажет Вам подробности свершившегося. Боюсь, что мы прожили основной капитал. Тиран казнён, а сил свергнуть систему у нас уже нет. Технику и типографию надобно перевести в Вологду. У вас там хороший народ. Если выживу, займусь ракетным воздухоплавательным аппаратом, о котором говорил с Морозовым. Николай Александрович одобрял меня. Мой девиз таков: „Дорога к звездам начинается в России!“ Передайте привет Астроному. Прощайте и не поминайте лихом!»

Человек полетел в космос в 1961 году. Но те, кто стоял за этим, были не первыми, кто решил познать неизведанные космические глубины. Сто лет назад идея этого полета появилась в голове Николая Кибальчича.

Мы знаем его как убийцу Александра Второго, как яростного пропагандиста-народника и революционера. Но кто знает, кем бы стал Николай Кибальчич, если бы его политическая деятельность не помешала заниматься наукой?

Николай Иванович Кибальчич.

Детство

Предками Николая Кибальчича были сербы. В XVII веке Грегор Кибальчич, молодой сербский священник, сражавшийся против турецкого владычества, был вынужден бежать с семьей из Сербии в Россию. Грегор был воеводой гайдукской четы – сербского партизанского отряда, воюющего против турецкого правительства. В молодости он окончил Киевскую духовную семинарию – одно из старейших высших учебных заведений Российской империи, в котором готовили священнослужителей. После побега Грегора в Россию его семейство здесь и осталось, основав русскую ветвь рода Кибальчичей.

Род Кибальчичей стал священническим родом – вслед за Грегором Кибальчичем по традиции большинство мужчин в роду стали священниками.

Отец Николая Кибальчича Иван Иосифович, по стопам своего прапрадеда тоже поступил в семинарию и с отличием окончил ее. После этого он несколько лет служил сельским учителем, одновременно занимаясь самообразованием – молодой выпускник семинарии большое внимание уделял иностранным языкам.

В Чернигове Иван Кибальчич познакомился с Варварой Иваницкой – интеллигентной девушкой, также имеющей хорошее образование. После женитьбы на ней Иван Иосифович смог принять священнический сан и стал служить в Коропе, маленьком городке Черниговской губернии. (До этого он не мог этого сделать, так как священником может стать либо женатый человек, либо монах. К монашеской же жизни молодой человек не был готов.) В браке у них родились шестеро детей. Старший, Степан, впоследствии участвовал в Балканской войне, так же, как и его предок Грегор Кибальчич, защищая сербский народ от Турции.

Последним ребенком в семье был Николай. Когда он был еще совсем маленьким, то его мать тяжело заболела туберкулезом. Боясь заразить детей, она даже перестала видеться с ними. В это время Коля очень сблизился со своим дедом по материнской линии – Максимом Петровичем Иваницким. Вскоре дед забрал мальчика к себе.

У Максима Петровича была интересная и сложная судьба. Он окончил семинарию, но после выпуска стал не священником, а бродячим актером. В те времена эта профессия считалась практически позорной, тем более для выпускника духовного учебного заведения. Отец заставил Максима вернуться домой, и тот стал псаломщиком, одновременно работая сельским учителем.

В три года Коля начал заикаться, после того как увидел пожар. Дед много занимался с внуком, чтобы избавить его от этого. Но дефект речи остался у Николая до конца жизни – и во взрослом возрасте он говорил медленно, растягивая слова. Коля и не особо любил говорить – он рос молчаливым, вдумчивым мальчиком.

В доме деда Коля познакомился со своим первым другом, Микой Сильчевским. Впоследствии тот так же, как и его друг, занялся революционной и литературной деятельностью. Дружбу детей укрепляла их общая любовь к чтению, а также то, что их отцы тоже были хорошими друзьями.

Коля Кибальчич с раннего детства проявлял замечательные способности. Он блестяще окончил начальную школу в дедовском селе Мезин, а затем вернулся к отцу в Короп.

Мальчик с легкостью сдал вступительные экзамены в Новгород-Северскую гимназию, но из-за конфликта с сыном исправника его исключили сразу после поступления. Тогда Николай поступил в Новгород-Северское духовное училище. Во время учебы там укрепилась его дружба с Микой Сильчевским, который благополучно учился в той самой Новгород-Северской гимназии.

Николай был прекрасным учеником. Помимо учебы, мальчик очень увлекался пиротехникой: самостоятельно изготавливал хлопушки, фейерверки. В кругу друзей его так и называли – Коля-пиротехник. Он запускал и ракеты и уже тогда мечтал о настоящих космических полетах.

Как ни странно, Николай отошел от Бога именно во время учебы в духовном училище. Коля перестал ходить в храм, молиться после трапезы. Это очень оскорбляло его отца-священника, у них стали возникать конфликты. Николай был против того, что по большим церковным праздникам его отец посещает прихожан и получает от них подарки. Он выступил против, расклеив с друзьями-мальчишками по деревне соответствующие стихи и даже не пытаясь скрыть свое участие в этом.

Стоя на службе на Троицу, Коля смотрел, как прихожане в конце службы радостно подходят к кресту и целуют руку священнику. Почему он должен целовать руку этому обыкновенному человеку, который в общем-то не то что не лучше его, но и явно грешнее? Ведь и его отец – тоже священник, но отнюдь не святой человек. Простой народ, без образования, легко верит чему угодно. А попы и правительство этим пользуются. Такие мысли, вероятно, были в его голове.

Но отец не хотел разочаровываться в сыне полностью и все

еще надеялся увидеть его священником. Он уговорил Николая вместе с его братом Фёдором поступить по окончании училища в Черниговскую духовную семинарию.

Отношения в семье продолжали портиться. Николай пытался убедить отца, что религия – это заблуждение и что тот совершает тяжчайшее преступление, получая за религиозные действия от народа воздаяния. Наконец их непонимание друг друга достигло высшей степени и произошел полный разрыв. Отец и сын прекратили общение.

Академик И. М. Майский размышлял: «Любопытный факт, что в 50–70-х гг. прошлого века у нас появилось немало сыновей и дочерей священников, которые порвали со своей средой и перешли на прогрессивный, даже на революционный путь».

Учеба в гимназии

Николай бросил семинарию и поступил в Новгород-Северскую гимназию – ту самую, из которой был исключен ранее.

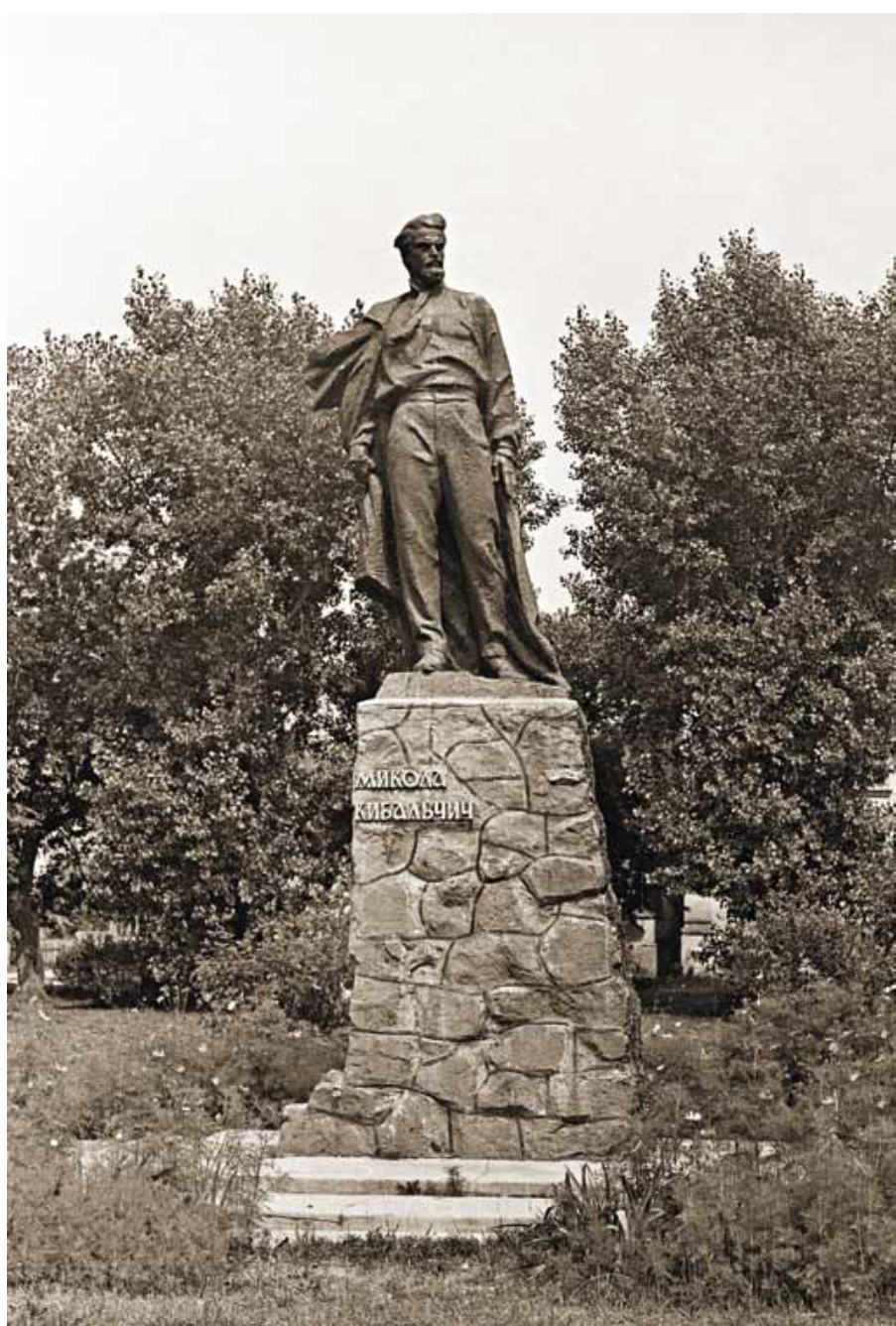
В этой гимназии училось много известных людей. Среди них Константин Иванович Ушинский – талантливый педагог и писатель.

Николаю Кибальчичу также не была чужда педагогическая деятельность. Он занимался репетиторством, чтобы добывать средства к существованию, – ведь отец больше не содержал его, а в учебном заведении гимназисту отказали в стипендии.

В гимназии юноша держался довольно независимо. Так, он испортил отношения с преподавателем богословия, протоиереем Петром Хадажинским. Тот на занятиях только что созданного философского гимназического кружка начал рассказывать о том, как мир сотворил Бог. Кибальчич открыто возразил ему. Разразился скандал. Кружок закрыли, а Николай заработал еще одного недоброжелателя.

Дмитрий Сильчевский вспоминал о гимназических годах Кибальчича так: «В Новгород-Северской гимназии Кибальчич в 6-м и 7-м (последнем) классе был неизменно первым учеником и в особенности изумлял всех своих товарищей, даже учителей, своими изумительными математическими способностями.

Свободное от учения время я и Николай проводили, бывало, в особенности летом, в нашем обширном саду, причем у нас было излюбленное место – ветхая, почти полуразрушенная беседка с врытыми в землю столом и двумя скамьями. Здесь-то с восьми лет весной, летом, даже и осенью проводили мы с ним целые часы за чтением. Необычайная, непреодолимая страсть к чтению и послужила к нашему сближению и дружбе. Эта страсть была у меня и у Николая. Читали мы всегда почти вместе, читали все книги, какие только могли достать в Коропе.

Памятник Н. И. Кибальчичу в украинском городе Короп.
Скульптор Э. М. Кунцевич, 1966.

А что касается до его доброты, другого такого человека я не знал. Он буквально все отдавал нуждающимся товарищам, свой последний рубль, а сам сидел после того без хлеба, без чаю, без сахара, пока я или С. А. Томашевский, или другой кто-нибудь из

товарищей не выручали его из беды. „Как же это, Николай, – бывало, говоришь ему с укором, – отдал последний грош, а сам остался на голодовку“? „Да, когда человек нуждается, так уж тут нечего рассуждать“, – было всегда его неизменным ответом. Что было делать с таким человеком?

До сих пор живо помню, с каким восторгом читали мы „Вечера на хуторе близ Диканьки“ и „Тараса Бульбу“ Гоголя. Затем перешли к Пушкину, причем Николаю больше всего, помню, понравились „Капитанская дочка“ и „Повести Белкина“. Стихов же он не любил, и поэзия Пушкина не производила на него никакого впечатления... Позже читали с захватывающим интересом „Айвенго“, „Роб-Роя“, потом Сервантеса и Диккенса, „Пиквикский клуб“ и „Дэвида Копперфильда“... В последний год своего пребывания в гимназии, то есть в седьмом классе, Кибальчич почему-то заинтересовался химией, добывал и выписывал популярные книжки по химии... Читали также Добролюбова, Писарева, Чернышевского. Была нелегальная библиотека; она хранилась у Кибальчича).

Фёдор Сандер, товарищ Николая по гимназии, писал о нем так: «Кибальчич был старше меня классов на 5–6, но я его хорошо помню. Был он среднего роста, худощав, в очках. Нрава очень спокойного, учился прекрасно. Был он скромен и общителен, хотя выглядел серьезнее других. В те времена гимназисты вели ожесточенную войну с сапожниками – мальчишками. Очевидно, под рубрику „сапожников“ подходили тогда все не учившиеся. В этих излюбленных нами битвах, носивших, как нам казалось, прямо-таки героический характер, будущий революционер Кибальчич никакого участия не принимал».

Кибальчич заведовал гимназической библиотекой, созданной самими гимназистами.

В это время в России сложилась тяжелая политическая обстановка: крестьяне официально освободились от крепостного права, но их жизнь оставалась такой же трудной и бедной, как и до издания Манифеста 1861 года. Николай Кибальчич с детства видел страдания простых людей и мечтал помочь им. Путь к этому он видел только один – пропагандировать революционные идеи. Этим он начал заниматься в гимназии в среде сверстников.

В выпускном классе гимназии Кибальчич стал редактором гимназического журнала «Винт». В нем рассказывалось о революционных идеях и текущих проблемах гимназии. В сатирическом разделе высмеивались деспотизм и ханжество нелюбимых преподавателей. Журнал выходил в рукописном виде 2–3 раза в неделю.

Николай помирился с отцом после того, как тот написал

письмо, в котором просил сына приехать на летние каникулы домой. Николай сразу же ответил (правда, отказом), и между ними восстановилось общение.

Кибальчич смело выступал против несправедливости учителей. Однажды он открыто возмутился поведением учителя Безменова, который вымогал взятку у одного из учеников. По поводу поведения Николая был созван педагогический совет, и Кибальчича наказали семидневным карцером.

Однажды Николай увидел, как на улице полицейский бьет крестьянина, и дал пощечину полицейскому. Опять был педагогический совет, и опять гимназиста наказали.

В итоге, учитывая все проступки ученика за время учебы, несмотря на отличные оценки, Кибальчичу при выпуске из гимназии дали не золотую, а серебряную медаль.

Сейчас на стене этой гимназии висит памятная табличка о Кибальчиче.

По окончании гимназии Кибальчич вернулся в Короп. Там жила его любимая девушка Катя Зенькова. Прощаясь с Катей, они решили переписываться.

Учеба в институте

Кибальчич хотел развивать в России сеть железных дорог. Парадокс, но Александр Второй, в убийстве которого Кибальчич участвовал, активно занимался именно этим.

В 1871 году Кибальчич поступил в Петербургский институт инженеров путей сообщения. Это было одно из первых высших технических учебных заведений России. Институт открылся в 1810 году, чтобы решить задачу налаживания путей сообщения в России, и действует до сих пор, получив статус университета.

Поступление в институт далось Кибальчичу нелегко. Людей его сословия туда старались не принимать. Но Николай блестяще выдержал экзамены, и экзаменаторы поспособствовали его поступлению. В дальнейшем его за успехи в учебе даже освободили от платы за обучение и часто давали стипендию.

Кибальчич так объяснял важность выбранной им профессии: «Для России железные дороги – теперь самый насущный, самый жизненный вопрос. Покроется Россия частой и непрерывной сетью железных дорог, и мы процветем. Торговля, промышленность, техника обнаружат изумительный, еще небывалый у нас прогресс, а с ним вместе будут расти и развиваться просвещение и благосостояние народа. Цивилизация в России пойдет быстро вперед; и мы, хоть и не сразу, догоним передовые страны Западной Европы... Вот почему я поступаю в Институт инженеров путей сообщения, чтобы быть потом строителем железных дорог, чтобы иметь потом право сказать, когда расцветет наша страна: „И моего тут капля меда есть!“»

Петербургский институт инженеров путей сообщения.

Но во время учебы в Институте инженеров путей сообщения Кибальчич полностью в нем разочаровался: «У нас в институте теперь только одни карьеристы, будущие хищники, воры, грабители народа и расхитители народного достояния. И удивительное дело – откуда взялась эта мечтающая о будущих доходах и богатствах молодежь? У мальчишки еще материнское молоко, как говорится, не обсохло на губах, а он рисует себе, как будет наживать доходы на постройках железных дорог, устроит себе роскошную квартиру с коврами и великолепной мебелью и – тьфу! – заведет себе любовницу из балета, так что ему будут завидовать другие товарищи, менее его преуспевшие в карьере добывания денег всякими правдами и неправдами. Нет, инженером мне не быть, и я решил перейти в Медико-хирургическую академию. А оттуда я выйду врачом и постараюсь избрать жительство в деревне. Тогда я буду приносить действительную пользу народу, а не рвать куски от жирного всероссийского пирога. Не только лечить народ, но нести в среду его свет, здоровые понятия о жизни, просвещать его, хотя бы, например, о лучших гигиенических сторонах быта и обихода, помогать народу, лечившемуся у знахарок и знахарей, разрушать его суеверие и невежество. Словом, работы предстоит много, и работы честной и хорошей. Наш русский народ – народ умный, и он поймет и меня, и мои идеалы».

Итак, проучившись два года в Институте инженеров путей сообщения, Кибальчич бросил его и поступил в Медико-

хирургическую академию. Это было учебное заведение, подчиненное военному министерству. При этом там училось много революционно настроенной молодежи.

Медико-хирургическая академия.

Во время учебы Кибальчича в академии он собирал у себя на квартире два раза в неделю политико-экономический кружок.

Однокурсник Кибальчича по Медико-хирургической академии М. Р. Попов вспоминал об этом кружке: «Устраивались собрания молодежи, где обсуждались вопросы, которые ставила жизнь и литература, где читались рефераты по общественным вопросам, читалась литература, полученная контрабандным путем из-за границы. Первый кружок такого характера, в котором я считался членом, собирався в квартире Кибальчича на Кронверкском проспекте. В кружке этом была выработана программа по общественным вопросам, по которой каждый член кружка брал по своему выбору ту или другую общественную тему и готовил реферат. По воскресеньям и четвергам эти рефераты читались, обсуждались; обсуждения эти почасту переходили в бурные прения; затягивающиеся за полночь».

Н. И. Раkitников, народоволец так описывал развитие личности Кибальчича: «Его студенческие годы совпали с бурным периодом „хождения в народ“. Сначала в Институте путей сообщения, а главным образом, в Медико-хирургической академии Кибальчич окунулся в атмосферу страстных споров о том, как помочь народу вырваться из тисков нищеты и

хронического голодания и выйти на путь широкого человеческого развития. От природы человек спокойный, ничем невозмутимый, с задатками кабинетного ученого, Кибальчич принялся за изучение политической экономии и за выработку своего революционного мировоззрения».

«Вечеринка». Художник В. Е. Маковский.

Общественное явление, о котором говорит Н. И. Ракитников, очень точно описал знаменитый анархист П. А. Кропоткин: «Во всех городах, во всех концах Петербурга возникали кружки саморазвития. Здесь тщательно изучали труды философов, экономистов и молодой школы русских историков. Чтение сопровождалось бесконечными спорами. Целью всех этих чтений и споров было разрешить великий вопрос, стоявший перед молодежью: каким путем может она быть наиболее полезна народу? И постепенно она приходила к выводу, что существует лишь один путь. Нужно идти в народ и жить его жизнью. Молодые люди отправлялись поэтому в деревню как врачи, фельдшеры, народные учителя, волостные писаря. Чтобы еще ближе соприкоснуться с народом, многие пошли в чернорабочие, кузнецы, дровосеки. Девушки сдавали экзамены на народных учительниц, фельдшериц, акушеров и сотнями шли в деревню, где беззаветно посвящали себя служению беднейшей части народа. У всех их не было никакой еще мысли о революции, о

насильственном переустройстве общества по определенному плану. Они просто желали обучить народ грамоте, просветить его, помочь ему каким-нибудь образом выбраться из тьмы и нищеты и в то же время узнать у самого народа, каков его идеал лучшей социальной жизни».

Летом Николай всегда уезжал на Украину. В 1874 году на каникулы он приехал в Козелец к местному священнику Андрею Костенецкому, чтобы репетиторствовать с его сыном. Там он сошелся с молодой группой начинающих народников. Священник, у которого жил Кибальчич, начал подозревать неладное, и по его доносу у Николая провели обыск, впрочем, ничего не давший жандармерии.

Вскоре Николай уехал к своему крестному отцу Ивану Зенькову. Там его ждала Катя – девушка, с которой они уже давно переписывались. Николай хотел жениться на ней и попросил своего отца договориться о свадьбе.

Весь следующий учебный год Кибальчич метался между желанием бросить академию и уйти в народ или остаться, чтобы помогать крестьянам как доктор.

В дальнейшем он вспоминал: «Еще будучи студентом Медико-хирургической академии, я составил себе социалистические убеждения на основании чтения нецензурных и некоторых цензурных сочинений; это было в то время, когда в Петербург начали проникать из-за границы социально-революционные издания журнала „Вперед“, статьи Бакунина и другие. Впрочем, эти издания имели лишь значение только для выработки моих убеждений в социалистическом отношении; они возбудили у меня ряд вопросов, я должен был обратиться к легальным изданиям. Легальные сочинения дали мне факты, которые подтвердили те выводы относительно русской действительности, которые я встретил в социалистической литературе. Что же касается до моей деятельности согласно с моими убеждениями, то в это время я не выработал еще себе определенного плана. Я колебался между решением бросить академию и уйти в народ для социалистической пропаганды и желанием остаться в академии и служить делу партии впоследствии – в качестве доктора».

Но дело было не только во влиянии европейской радикальной философии. Революционер Н. А. Морозов писал: «Повальное движение того времени учащейся молодежи в народ возникло не под влиянием западного социализма... главным рычагом его была народническая поэзия Некрасова, которой все зачитывались в переходном возрасте, дающем наиболее сильные впечатления... Поэтические образы и выражения надолго

выгравировываются в памяти каждого. Некрасов же был великий поэт, его образы были могучи!..»

Первый раз в студенческих беспорядках Кибальчич поучаствовал на втором курсе академии. Учащиеся сорвали лекцию нелюбимого преподавателя Циона. Тот не замедлил пожаловаться руководству академии. Студентов решили приструнить и пригрозили им репрессиями. В ответ на такие обещания на следующей лекции Циона закидали тухлыми яйцами и помидорами.

О беспорядках в академии доложили самому императору. Тот сразу же отдал приказ наказать зачинщиков и принять все меры для того, чтобы предупредить уличные беспорядки.

Арестовали семерых студентов. Их товарищи стали проводить сходки, требуя освободить задержанных. Эти собрания немедленно разгоняли жандармы.

Особое внимание к делу привлекало то, что Медико-хирургическая академия подчинялась военному ведомству. Д. И. Милютин, военный министр, напрямую курировавший академию, решил замять дело, не поднимая особого шума. В итоге все арестованные студенты были отпущены.

Шел 1875 год. Катя Зенькова, о браке с которой мечтал Николай Кибальчич, окончила епархиальное училище. Это было женское учебное заведение, выпускницы которого могли работать домашними и сельскими учительницами. Но жениться на Кате хотел не только Кибальчич, но и племянник местного викарного епископа Костя. Викарий Серапион лично побеседовал о желании своего племянника с отцом девушки. Тот не смог открыто отказаться и в ответ на предложение ответил, что пока Катя еще очень молода, но к обсуждению вопроса о браке можно вернуться через год. На самом же деле Катин отец уже дал согласие на ее брак с Николаем Кибальчичем.

Это было не единственное препятствие к браку Кати и Николая. Еще одной причиной, усложнявшей возможность обвенчаться, было то, что они являлись дальними родственниками. В таких случаях требовалось разрешение викария. Было очевидно, что викарий Серапион, к которому надлежало обратиться, не даст разрешения на брак Кати Зеньковой с кем-либо, помимо своего племянника. Отец Кибальчича вместе с отцом девушки решили, что после отказа викария и архиерея они подадут прошение в Синод. Муж сестры Николая Кибальчича был там присяжным поверенным и наверняка мог помочь получить разрешение на брак дальних родственников. Но было еще кое-что: Катин отец был крестным отцом Кибальчича, что было намного более серьезным

препятствием для брака. Этот факт необходимо было скрыть.

На лето 1875 года Николай поехал на Украину, в село Жорнище, к своему дяде – священнику Наркиссу Олтаржевскому. Наркисс был дальним родственником Кибальчичей – сестра матери Николая много лет назад вышла за него замуж.

Через некоторое время к Николаю Кибальчичу в Жорнище приехал погостить его товарищ по академии. Хозяевам он представился как Николай Сергеевич Тютчев. Друзья близко общались со многими крестьянами, старались поближе ознакомиться с их жизнью и заслужить доверие. Завязав более тесное знакомство с жителями села, молодые люди начали вести революционную пропаганду. Так, Кибальчич привез из Петербурга несколько экземпляров «Сказки о четырех братьях и их приключениях» и пытался распространить это произведение в среде крестьян. Эта сказка под авторством Льва Тихомирова использовалась народниками для пропаганды их идей в крестьянской среде и была запрещена правительством.

Вскоре товарищи-студенты уехали из Жорнища, оставив крамольное произведение ходить по рукам. В конце концов оно дошло до пономаря местной церкви. Прочитав, он понял, что эта сказка отнюдь не невинна и направлена против правительства, и передал ее священнику. Тот, в свою очередь, отправил ее митрополиту, митрополит – губернатору, губернатор – прокурору. В итоге было заведено следствие, показавшее, что брошюру в Жорнище привез не кто иной, как Кибальчич.

А Кибальчич тем временем готовился к женитьбе на Екатерине Зеньковой. Не забывал о ней и племянник викария. Узнав, что Катя выбрала другого, он, ревнуя, стал думать, как расстроить их брак. Знакомый священник, родственник Зеньковых, помог ему в этом, сообщив викарию, что Николай Кибальчич является крестным сыном отца своей невесты. Это сделало брак невозможным.

Молодые люди получили отказ на просьбу о браке именно из-за духовного родства.

Кибальчич уехал в Петербург и погрузился в учебу. Больше он не думал о женитьбе, а на расспросы друзей о том, почему он одинок, отвечал: «Женщины любят, чтобы за ними ухаживали, а я этого не умею, да и некогда мне».

Начало революционной деятельности

*Сеятель знания на ниву
народную!
Почву ты, что ли, находишь
бесплодную.
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб
ли ты силами?
Труд награждается
всходами хилыми,
Доброго мало зерна!*

*Н. А. Некрасов.
«Сеятелям».*

В октябре 1875 года курсистка Вольхина, знакомая Кибальчича, попросила его сохранить у себя тук с нелегальной литературой. Николай, никогда не отказывавший в просьбах, не отказался и в этот раз.

На следующий день Кибальчича вызвали в полицейский участок. Было ясно, что там узнали о крамольных произведениях, которые он взял на хранение. Николай поспешил домой, чтобы поскорее избавиться от опасного тука с книгами. Подойдя к дому, молодой человек понял, что опоздал: уже шел обыск. Бежать Кибальчич не стал. Он поднялся в свою квартиру.

Как оказалось, полиция решила провести у Николая обыск вовсе не из-за этих книг, а из-за дела, заведенного на него в Жорнищах. Но на этот раз объем крамольной литературы, найденной у Кибальчича, в сотни раз превосходил то, что было в жорнищевской истории.

Обо всем произошедшем было немедленно доложено императору Александру. Кибальчич был арестован. На допросе он заявил, что понятия не имеет, откуда у него взялись запрещенные книги.

Среди найденного во время обыска особо примечателен перевод «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса – программное произведение коммунистов, рассказывающее об их целях и задачах. Этот перевод был выполнен на высоком уровне, и велика вероятность, что его

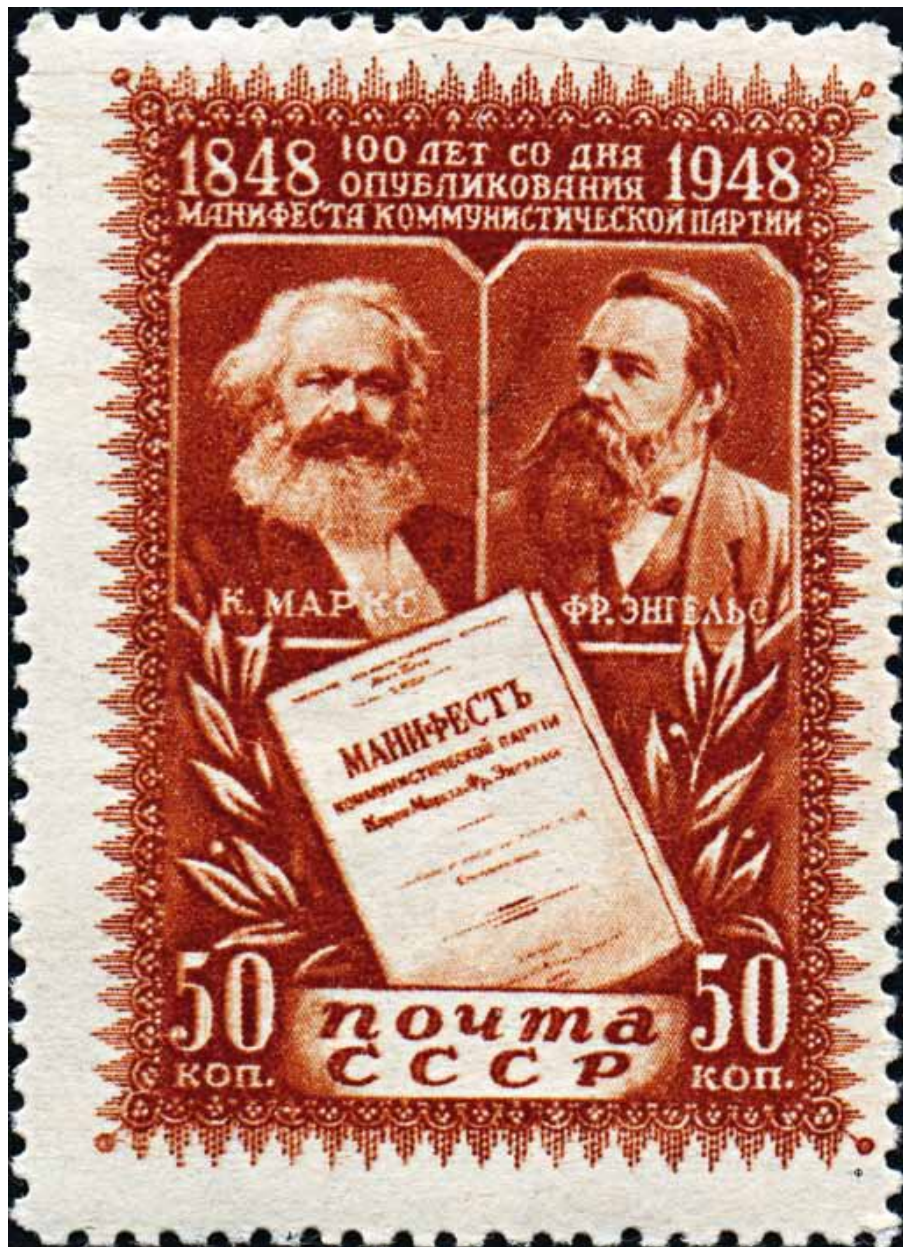
автором был сам Кибальчич, прекрасно владевший несколькими языками.

Обложка «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса.

«Арест пропагандиста». Художник И. Е. Репин.

Советская марка к 100-летию «Манифеста коммунистической партии».

Кибальчич пробыл в тюрьме месяц. Полицейские приходили и к студенту Тютчеву, именем которого назвался товарищ Кибальчича, распространявший вместе с ним в Жорнице нелегальную литературу. Однако Тютчев доказал, что тем летом находился в другом месте. До сих пор неизвестно, кто тогда все же приезжал в Жорнице к Николаю.

Кибальчича отправили в Киев по запросу киевской жандармерии, которая занималась ведением дела. В Третьем отделении Кибальчичу при отправке дали следующую характеристику: «...подозрительная, дерзкая личность; данные им в разное время показания оказались ложными».

Студент Тютчев, которого допрашивали по этому делу в октябре 1875 года, рассказывал: «Когда меня ввели на очную ставку в „комиссию“, то меня поразила внешность Кибальчича: этот уравновешенный человек, ничем не возмутимый, был бледен как полотно, глаза его блуждали, и по лицу его спадали крупные капли пота; даже его смятая рубашка была, видимо, вся влажная... Очевидно, его допрашивали уже не один час, не давая ни минуты опомниться... Только этим я и объяснил себе его состояние крайнего утомления и как бы растерянности... Только тут впервые я и уразумел, каким бывает настоящий допрос в „комиссии“ III отделения».

В киевской тюрьме Кибальчич провел целых два года – и все это время в качестве подследственного, а не осужденного. Так и не было доказано, что он вел в Жорнице преднамеренную пропаганду.

В тюрьме Николай занимался изучением английского и медицины, много читал.

Весной 1877 года заключенного Кибальчича навестила Катя Зенькова, которая так и не вышла замуж за племянника викария.

В августе того же года Кибальчич подал прошение министру юстиции о скорейшем рассмотрении его дела. В этом же прошении он писал о своем желании отправиться на шедшую в то время русско-турецкую войну фельдшером или солдатом.

Священник Наркисс Олтаржевский, у которого в Жорнице гостил Николай тем злополучным летом, резко критиковал Кибальчича и активно помогал следствию. Позже он получил орден Святой Анны III степени за заслуги по военному и гражданскому ведомству.

В тюрьме Николай познакомился со многими революционерами. Среди его новых друзей был Лев Дейч – впоследствии один из лидеров меньшевиков. От него Николай узнал о планах революционеров совершать террористические акты, используя взрывные устройства.

Вот как Дейч вспоминал о знакомстве с Кибальчичем: «...особенно оптимистом он был в отношении к людям. О всех, с кем он близко сталкивался, он был хорошего мнения! Хотя и не превозносил никого до небес, не приходил ни от кого в особенный восторг. Он со всеми в тюрьме – как впоследствии на воле – был одинаково хорош, ровен, со всеми жил в мире (нас

было в тюрьме человек около 20). Я решительно не знаю случая, чтобы он с кем-нибудь серьезно поспорил, поругался, и, думаю, во всю его жизнь с ним не было такого случая. Всегда спокойный, уступчивый... Он не собирался уже, как прежде можно было думать, поселиться в каком-нибудь селе с целью вести мирную, культурную деятельность. Теперь он сам находил, что медленная пропаганда – работа малопроизводительная, сам заявлял, что невыгодно за „одного крестьянина“, за одну „Хитрую механику“ десяти социалистам целые годы проводить в тюрьмах.

Надзирателем в киевской тюрьме некоторое время был Фроленко, также революционер. Он поступил на эту службу специально для того, чтобы освободить товарищей по революционной борьбе, в том числе и Льва Дейча. Фроленко смог устроить их побег.

От Фроленко же киевские революционеры узнали о Кибальчиче и решили помочь ему освободиться. Для этого нужно было взять арестованного на поруки. Это могли сделать только близкие родственники. Было решено, что Кибальчичу следует вступить в фиктивный брак с Еленой Кестельман, которая и поможет взять Николая на поруки. Этот план расстроился, так как «жених» и «невеста» не получили разрешения на брак.

В это же время умер пожилой отец Николая.

В феврале 1878 года Кибальчич узнал, что его дело наконец будет рассмотрено. Слушание в Особом присутствии Сената было назначено на май. Николая отвезли в Петербург, где он ожидал суда в Доме предварительного заключения. Условия там были тяжелыми. Кормили плохо.

Однажды во время прогулки Кибальчич поднял голову. Там, за этими пустыми облаками космос. Туда можно улететь. Построить идеальный мир там, если на Земле невозможно. Или... все-таки есть шанс создать идеальный мир и на Земле? Это же так просто – убрать плохих людей, тех, кто мешает счастью других. Да, убить. Да, никто не имеет права лишать человека жизни. Но ведь инквизиторы столько жизней отняли – и ради абсолютно бредовой идеи, ведь ясно, что религия не может улучшить жизнь людей. А он, Николай Кибальчич, хочет и может облегчить им жизнь! Но ему не дают этого сделать!

Защитником Кибальчича на суде стал Ольхин, революционно настроенный адвокат. Обвинение в революционной пропаганде было снято. Было получено лишь наказание за хранение «Сказки о четырех братьях» в виде одного месяца лишения свободы и выплаты судебных издержек (чуть более ста рублей), а также нахождения под наблюдением полиции в течение года. Судебные расходы оплатил брат Николая Кибальчича Степан, военный врач,

участвовавший в русско-турецкой войне 1877–1878 годов.

«Заклученный». Художник Н. А. Ярошенко.

Кибальчич впоследствии говорил, что именно тюремное заключение закалило его и наполнило страстью к революционной борьбе: «Тюремное заключение более или менее продолжительное оказывает всегда на неустановившихся людей одно из двух влияний: одних лиц – неустойчивые и слабые натуры – оно запугивает и заставляет отречься от всякой деятельности в будущем; других же, наоборот, закаляет, заставляет стать в серьезные отношения к делу, которое представляется теперь в их глазах главною задачею жизни. Я принадлежал к числу вторых».

А вот что говорил по тому же поводу М. Р. Попов, народник, приговоренный к пожизненной каторге в 1880 г.: «Тюрьма произвела на Кибальчича свое влияние. Сейчас я представляю себе двух известных мне Кибальчичей, одного до тюрьмы и другого после тюрьмы. Правда, Кибальчич никогда, вероятно, не отличался веселым нравом и всегда был человеком ровным; но до тюрьмы он любил принимать участие в прениях, даже, может быть, мечтал руководить людьми. После тюрьмы, кроме пожатия руки, дружеской, приветливой улыбки, мне ничего не помнится,

когда я думаю о нем».

После суда Николай жил в семье своей знакомой, революционерки-народницы Головиной, оправданной по «делу о 193-х» (дело о революционной пропаганде). За решеткой оставались ее товарищи, которых должны были отправить на каторгу, и Кибальчич решил помочь им. Он разработал план похищения. Арестованные временно находились в Петропавловской крепости. Николай передал заключенным книги. В их переплетах были спрятаны пилки, которыми можно было перепилить оконные решетки. Однако план не удался. В камерах постоянно присутствовала охрана, так что не было никакой возможности воспользоваться пилками.

После освобождения Кибальчич не смог восстановиться в Медико-хирургической академии и решил вернуться на родину.

Начало работы со взрывчатыми веществами

*Тот, чья жизнь бесполезно
разбилась,
Может смертью еще
доказать,
Что в нем сердце неробкое
билося,
Что умел он любить...*

*Н. А. Некрасов.
«Рыцарь на час».*

На Украине Кибальчич пробыл недолго, и уже в июле 1878 года приехал в Петербург, где занялся литературной деятельностью и изучением химии. Он изучил большое количество литературы по химии и проводил дома опыты по изготовлению взрывчатых веществ.

Это решение было принято еще в тюрьме: «Даю слово, что все мое время, все мои силы я употребляю на служение революции посредством террора. Я займусь такой наукой, которая помогла бы мне и товарищам приложить свои силы самым выгодным для революции образом. Очень может быть, что целые годы придется работать над тем, чтобы добыть нужные знания, но я не брошу работы, пока не буду убежден в том, что достиг того, чего мне надо...»

Николай начал заводить знакомства среди революционеров. В 1879 году Тютчев, товарищ Кибальчича по Медико-хирургической академии, познакомил его с руководителем боевой группы народнической организации «Земля и воля». Кибальчич стал членом этого общества и возглавил группу техников, в которую также вошли Исаев и Ширяев.

4 августа 1878 года в Петербурге был убит главный жандарм полиции Мезенцев. Ответственность за его убийство взяли на себя революционеры. Причиной их мести стало то, что Мезенцев своевольно отправил в ссылку оправданных на суде по «процессу о 193-х».

В связи с этим ужесточились меры безопасности. Из Петербурга высылали всех, кто был причастен к политическим преступлениям.

Кибальчич, вначале живший в Петербурге под своей фамилией, переехал на другую квартиру под чужим именем, назвавшись Василием Агатескуловым. Под своим же именем он выписался и якобы уехал в Москву. Так как в Москву он не прибыл, то всем губернаторам было разослано предупреждение о том, что Николай Кибальчич, находившийся ранее под следствием по делу о революционной пропаганде, выехал из Петербурга, но в Москву не прибыл.

А Кибальчич тем временем в Петербурге продолжал изучать взрывчатые вещества и практиковаться в их изготовлении.

2 апреля 1879 года произошло покушение А. К. Соловьева на царя. Соловьев несколько раз выстрелил в Александра Второго, когда тот был на прогулке, но все пули прошли мимо цели. Соловьев был казнен. Вследствие этого покушения усилились полномочия генерал-губернаторов и создались новые генерал-губернаторские места. Соловьев не был связан с организацией «Земля и воля».

Кибальчич был вторым агентом Исполнительного комитета «Народной воли», что означало, что с ним могут связываться только два человека из организации в целях конспирации. Он занимался чисто техническими мероприятиями, а не организацией деятельности. Техников было мало, и их берегли.

Кибальчич поддерживал связь с революционной группой «Свобода или смерть», появившейся в мае 1879 года секретной террористической группой, в которую входило не более пятнадцати человек. Вместе с ее членами Кибальчич начал изготавливать на конспиративной квартире нитроглицерин и динамит. Для этого террористы оборудовали лабораторию и мастерскую. Кибальчич руководил изготовлением динамита на квартире в Троицком переулке.

В конце 1878 года Кибальчич познакомился с обер-фейерверкером Охтенного порохового завода Филипповым, который был народовольцем. Тот стал помогать Кибальчичу, давая ему специализированную литературу и образцы взрывчатых веществ.

Динамит изготавливали только на заводах Нобеля, а в России – в Николаеве. Филиппов для Кибальчича проделал лабораторный анализ нобелевского динамита.

Кибальчич понял, что можно увеличить его взрывное действие, увеличив содержание в нем нитроглицерина. Для того чтобы проверять свои образцы, Кибальчич уезжал подальше от Петербурга, бывало, что и в Финляндию.

Впоследствии он занялся и подпольными типографиями, и написанием статей для газеты организации. Кибальчич писал

рецензии по философии и общественным наукам.

Осенью 1879 года народовольцы готовились к убийству царя в нескольких городах одновременно. Кибальчич отправился для подготовки покушения в Одессу. Он приехал туда в августе и поселился на Молдаванке.

Вскоре в помощь к нему приехала Вера Фигнер. В начале своей революционной деятельности она занималась хождением в народ. Позже – участвовала в убийстве Александра Второго и единственная из убийц смогла скрыться.

Фигнер привезла 18 кг динамита. Они с Кибальчичем сняли квартиру под видом супругов Иваницких. Эта квартира стала мастерской по изготовлению взрывного устройства и местом сбора всех народовольцев, причастных к готовящемуся одесскому покушению.

Фигнер сумела устроить Фроленко железнодорожным обходчиком. Он поступил на эту должность под именем Семена Александрова. В его обязанности входила охрана, и поселился он в сторожевой будке вместе с революционеркой Лебедевой, изображавшей его жену.

В Одессе Кибальчич привлек к народовольческому движению нескольких молодых людей. Среди них был студент Василий Сухомлин. В дальнейшем он стал известным народовольцем, тогда же мечтал уехать в Женеву, чтобы изучать там историю Интернационала. Кибальчич отговаривал его от этого шага, говоря, что революцию нужно познавать на практике. Сухомлин все-таки уехал и, вернувшись в 1881 году, очень жалел о своем уезде, осознав, что важнее было остаться и продолжить революционную деятельность в России.

В Одессе Кибальчич продолжил общение с Львом Дейчем, с которым познакомился во время своего двухлетнего заключения. Дейч собирался выпускать в Одессе местную народовольческую газету. Они с Кибальчичем спорили по поводу ее направленности. Кибальчич считал, что партия должна учитывать интересы и провинции, а не только диктовать свою центральную линию, в отличие от Дейча, который хотел уйти от «провинциализма».

Агент Курицын, бывший революционер, переведенный полицией, сообщил властям о том, что Кибальчич в Одессе. В 1877 году Курицын был арестован по делу о покушении на агента полиции Н. Е. Гориновича. В обмен на свободу Курицын сдал полиции многих революционеров. Полиция искала Кибальчича, но найти его было крайне затруднительно, так как он жил под чужим именем.

Крымское покушение

Кибальчич изготовил мину. Ее отнесли в будку Фроленко на железной дороге. На железную дорогу ее пока не закладывали, так как не было известно точно, как будет возвращаться царь из Ливадии.

Вскоре стало известно, что царь поедет не через Одессу, а через Симферополь. Тогда динамит, находившийся в Одессе, решили отправить в Москву, чтобы увеличить мощность взрывного устройства, подготавливаемого для теракта там.

Для устройства покушения в Крыму туда из Харькова отправился Желябов. Андрей Иванович Желябов в 1870-х активно ходил в народ, а позже занялся организацией покушений на императора. Как организатор убийства Александра Второго был казнен с другими первомартовцами.

Желябов, изображая купца-промышленника, взял в аренду участок земли возле железной дороги якобы для строительства завода. Мины закладывали в насыпь на этом участке. Возникли проблемы, когда начались сильные ливни и понемногу начали размывать насыпь.

В начале ноября в крымский городок Александровск приехал Кибальчич. Теракт в Одессе отменялся из-за изменения маршрута царя, и нужно было задействовать все силы на крымском направлении. Кибальчич вез с собой индукционную катушку, позволяющую сохранить магнитное поле во взрывном устройстве.

18 кг динамита, которые привезла в Одессу Вера Фингер, были там уже не нужны, но оченьгодились бы в Москве. Так что за ними отправился Гольденберг. Кибальчич отправил Колодкевичу зашифрованную телеграмму, чтобы тот выдал Гольденбергу динамит. Телеграмма гласила: «Не посылайте напрасно вина – подождите моего поверенного завтра утром приедет».

Николай Иванович Кибальчич.

В Александровске Кибальчич дал советы по поводу лучшей организации взрыва и передал индукционную катушку, так как катушка Желябова работала действительно плохо. После этого Кибальчич сразу уехал в Харьков, а затем вернулся в Одессу.

На Харьковском вокзале Кибальчича встретил Дейч. Он увидел, что Николай преспокойно спит на вокзальной скамье прямо на глазах у полицейских, притом что был уже тогда разыскиваемым.

Когда Гольденберг пытался вывезти динамит из Одессы, его арестовали. Его чемодан привлек внимание жандармов на вокзале. При осмотре багажа Гольденберга и обыске его самого подозрения в неблагонадежности подтвердились. Гольденберг пытался бежать, но был задержан. На допросе он назвал чужим именем и отказался сотрудничать со следствием.

18 ноября 1879 года должно было произойти крымское покушение на императора. Желябов, Окладский и Тихонов отправились на железную дорогу. Услышав приближение царского поезда, Желябов соединил батарею с индукционной катушкой, но они не сработали.

Ненужные теперь мины так и оставили в александровской насыпи. Оставалась надежда только на московское покушение.

Тихонова, Окладского и Преснякова – участников попытки александровского покушения – в течение следующего года арестовали и приговорили к смертной казни. Окладский избежал

исполнения этого приговора, став предателем. На суде он показал, что взрыва не произошло, так как один из проводов оказался перебит лопатой. Возможно, это сделал один из сторожей, как и заявлял Окладский, а возможно, что взрыву помешал и он сам. Есть версия, что слабовидящий Желябов неправильно соединил провода. Также говорили, что провода могли порвать коровы, случайно пришедшие к насыпи.

Московское покушение

Организацией теракта в Москве занимался Александр Михайлов. Ему помогали Софья Перовская и Лев Гартман, которые поселились в Москве под видом семейной пары по фамилии Сухоруковы. Они купили дом, в котором участники покушения могли бы укрыться после его совершения. Туда же привезли большой ящик динамита.

Чуть позже из Петербурга приехал Степан Ширяев. Он привез все остальное, необходимое для технической организации взрыва. Степан поселился отдельно от Перовской и Гартмана, чтобы не вызывать подозрений. Так же, как и Сухоруковы, он стал дворянином Севериновым.

Дом Сухоруковых находился недалеко от железной дороги, по которой должен был вскоре проехать император. Подготовить покушение на него с наименьшими рисками для себя можно было, начав выполнять все работы по подготовке к взрыву прямо из дома, через подкоп.

Конечно, это привлекало бы меньше внимания, но все равно можно было легко обнаружить себя. Да, подкопа не видно, но вот выкопанную землю может увидеть кто-нибудь из любопытных соседей, и тогда-то бед не оберешься. Михайлов, Гартман и Ширяев долго раздумывали над этим и решили, что задачу можно немного облегчить, если сделать подкоп в виде треугольной призмы – так уйдет меньше земли.

Но перед началом выкапывания подземной галереи решили посоветоваться с непререкаемым авторитетом – Кибальчицем. Он находился в это время в Одессе, и туда отправился Ширяев. Сначала в Харькове он встретился с Желябовым и Гольденбергом, который тогда был еще на свободе.

Было ясно, что имеющимися в Москве силами организовать покушение к сроку не получится. На помощь московской группе должны были отправиться Гольденберг и Баранников.

Кибальчич, узнавший в Одессе от Ширяева об идее устроить подземную галерею прямо под железной дорогой, высказался против. Галерея легко могла обвалиться. Лучше было просверлить буровом отверстие для мины.

Ширяев передал Кибальчичу просьбу александровской группы приехать к ним.

Рыть галерею было очень сложно. Это мог делать только один человек, так как она была очень узкая. Потолок галереи необходимо было сразу же закреплять досками, так как он постоянно грозил обвалиться. Землю рассыпали во дворе дома

ночью, чтобы не заметили соседи, которые могли донести в полицию.

Начались осенние холодные дожди. Галерею стало заливать. Проезд каждого поезда по железной дороге осыпал галерею. Гартман во время работы под землей держал при себе яд, чтобы умереть быстрой, а не мучительно медленной смертью в случае обвала галереи.

Наконец, начали сверлить буровом отверстие для мины. Поместить ее так, чтобы взрыв был мощным, не удавалось. Тогда решено было добавить еще динамита. Гольденберг отправился за ним в Одессу.

Сложно было не вызывать подозрений соседей. По большей части с ними контактировала только Софья Перовская – Мария Сухорукова. В дом соседей не пустили даже тогда, когда начался пожар. Перовская выбежала на крыльцо с иконой и не уходила с него, пока ветер не перекинул пожар в противоположную от дома сторону.

В Третье отделение был внедрен революционер Клеточников, с которым московская взрывная группа поддерживала связь через Михайлова. Но все же риски были слишком велики. Заранее было решено, что в случае прихода полиции Перовская выстрелит из револьвера в банки динамита, находящиеся в доме, и взрыв уничтожит все.

В середине ноября пришло известие, что вскоре царь поедет через Москву в Петербург. В связи с этим полиция обошла все дома, находящиеся рядом с железной дорогой, по которой должен был проехать император. В дом Сухоруковых околоточный тоже заглянул, но никаких подозрений у него не возникло.

Из Симферополя отправилось два поезда – один для царя, другой для его свиты. В Москву к заговорщикам сразу же полетела зашифрованная телеграмма, в которой указывалось, что царь едет в четвертом вагоне второго поезда.

Граф Адлерберг посоветовал Александру Второму в целях безопасности перейти в свитский поезд. Переходить в другой поезд тот не стал, но поезда тайно поменяли местами, и впереди царского оказался свитский поезд, а с царского даже сняли торжественные флаги.

Заговорщикам удалось узнать, что царь прибудет в Москву 19 ноября. Накануне была получена телеграмма, из которой стало ясно, что александровское покушение не удалось.

Александр II и Мария Александровна в санях. Рисунок из Русского художественного листка В. Ф. Тимма.

Главными исполнителями были назначены Ширяев и Перовская: первый должен был сомкнуть провода взрывного устройства по сигналу второй. Условным сигналом был взмах фонарем.

Взмах. Летящая вспышка света в ночном воздухе падает. Взрыв.

Никто не знал о перестановке поездов. В результате пострадал свитский поезд, но по счастливой случайности жертв не было: перевернулись только паровозы и багажные вагоны.

Взрыв на линии Московско-Курской ж. д. 19 ноября 1879 г.

Заговорщики были подавлены и разочарованы тем, что им не удалось совершить убийство. Только Николай Кибальчич держал себя в руках. Он был намерен добиться своей цели – устранить царя как символ строя, который пытался подавить его волю и желание что-то изменить. Он был готов работать над изготовлением идеального орудия убийства с маниакальным упорством. Не удалось в Александровске, Одессе и Москве – что ж? Нужно учесть ошибки и двигаться дальше. Ведь нет другого пути что-то изменить. Так пусть все поймут, что есть люди, которые ни перед чем не остановятся, чтобы изменить жизнь! Если сложно чего-то добиться мирным путем, можно пойти насильственным. А жалостливые добродетельные господа, которые против решительных мер, еще любят приводить в пример Христа. Вот потому-то Россия и не может скинуть иго самодержавия – у всего народа в голове этот рабский идеал, вбиваемый в головы поколениями уже несколько веков. «Бог терпел и нам велел», – вот что отвечают эти рабы на воззвания освободиться. Они настолько ограничены, что не в состоянии понять, зачем им нужна свобода. Ничего, поймут со временем, когда мы сломаем устои. А сейчас мы готовы страдать за них, даже непонимающих, что мы несем им добро. Так рассуждал Кибальчич.

Проанализировав ситуацию, революционеры поняли, что придется отказаться от идеи с подкопом. Дело точно было не в самодельном динамите – за его качество Кибальчич мог ручаться головой.

Царская охрана усилила меры безопасности и продемонстрировала готовность к решительным действиям. За

покушение на жизнь царя в Одессе смертью заплатили несколько революционеров, не имевших никакого отношения к данному покушению. Их казнили в начале декабря.

А настоящие заговорщики свернули свою деятельность в Одессе и постепенно покинули город. Кибальчич уехал в середине декабря.

Власти через предателя Курицына узнали и о готовившихся покушениях в Александровске и Одессе. Тогда в газете «Народная воля» появилось заявление от Исполнительного комитета, в котором сообщалось, что покушения готовились ими в соответствии с приговором, вынесенным царю 26 августа 1879 года Исполнительным комитетом.

Вскоре был арестован Ширяев, участник московского покушения. Его приговорили к смертной казни, но позже помиловали и осудили на бессрочные каторжные работы. На каторге в 1881 году он и умер.

Народовольцы выпустили прокламацию официально, от лица их организации. В ней сообщалось о неудаче покушения на жизнь императора в Москве и объяснялись причины того, почему это убийство необходимо совершить: «Если бы Александр II осознал, какое страшное зло он причиняет России, как несправедливо и преступно созданное им угнетение, и, отказавшись от власти, передал ее всенародному Учредительному собранию, избранному свободно посредством всеобщей подачи голосов, снабженному инструкциями избирателей, – тогда только мы оставили бы в покое Александра II и простили бы ему все его преступления. А до тех пор – борьба! Борьба непримиримая! Пока в нас есть хоть капля крови, пока на развалинах самодержавного деспотизма не разовьется знамя народной свободы, пока народная воля не сделается законом русской жизни! Мы обращаемся ко всем русским гражданам с просьбой поддерживать нашу партию в этой борьбе. Нелегко выдержать напор всех сил правительства. Неудачная попытка 19 ноября представляет небольшой образчик тех трудностей, с которыми сопряжены даже отдельные, сравнительно незначительные эпизоды борьбы. Для того, чтобы сломить деспотизм и возратить народу его права и власть, нам нужна общая поддержка. Мы требуем и ждем ее от России».

Через несколько дней после ареста Гольденберга произошло покушение на царя в Москве. Это сразу же связали с делом, которое было на него заведено. Гольденберг оставался под следствием в Елизаветграде, где и был задержан.

Гольденберг упорно отказывался от дачи показаний. По приказу генерала Э. И. Тотлебена, занимавшегося этим делом, Гольденберга перевели в Одессу. На допросах он ни в чем не

сознавался. Тогда было решено посадить в камеру Гольденберга агента полиции Курицына. Гольденберг принял его за революционера, доверился ему и многое открыл. Особенно восторженно и многословно Гольденберг рассказывал о Кибальчиче. Ведь именно Кибальчич как специалист по взрывчатым веществам играл ключевую роль в деятельности Исполнительного комитета.

Динамит, найденный в чемодане Гольденберга, был отправлен на экспертизу. Динамит из мин, оставшихся в насыпи Московской железной дороги, также был передан на анализ экспертной комиссии. Специалисты признали высокое качество динамита, который было крайне трудно получить в домашних условиях. Удивительно, но динамит, производимый тогда в России на пороховых заводах, уступал по взрывной силе динамиту, изготовленному Кибальчичем в своей квартире.

Гольденберг рассказал Курицыну многое и о том, как готовился взрыв в Москве. Таким образом полиция узнала о существовании «супругов Сухоруковых» (Льва Гартмана и Софьи Перовской). Личность Гартмана была установлена, и он был объявлен в розыск. Но к этому времени подозреваемый в покушении уже уехал за границу, в Париж.

Эдуард Иванович Тотлебен.

Софья Львовна Перовская и Андрей Иванович Желябов.

Россия потребовала от Франции выдачи Гартмана. На это было получено согласие французского правительства. Гартман уже был арестован властями Франции, когда французский президент Жюль Гриви получил письмо от народовольцев, в котором писалось, что Гартман – политический эмигрант и преследуется российским правительством за то, что следовал примеру французских революционеров в борьбе за общечеловеческие ценности. В это же время в парижских газетах появилось воззвание «Французскому народу от Исполнительного комитета русской революционной партии», призывавшее не допустить выдачи Гартмана кровавому имперскому режиму.

Этот политический вопрос всколыхнул общественное мнение как России, так и Франции. В защиту Гартмана выступили Плеханов и Гюго. В итоге французское правительство отказалось выдавать Гартмана и тот оказался на свободе.

Это громкое дело заставило говорить о «Народной воле» за границей и подняло ее авторитет как политической силы, которая может реально добиться успеха.

Третье отделение меж тем активно занималось поисками

Кибальчича. Он проживал в это время в Петербурге под чужой фамилией.

Полиция многое узнала от Гольденберга через Курицына, но необходимо было, чтобы Гольденберг подтвердил эти показания лично. Для этого ему позволили увидеться с родителями, которые уговаривали сына сознаться в содеянном.

Но намного сильнее поколебало твердость Гольденберга то, что следователи заявили ему о сознании и показаниях его революционных товарищей. При этом они сообщали такие факты, которые мог знать только действительно хорошо осведомленный в делах революционной группировки человек. Этим человеком был тайный агент полиции Курицын.

Беседы Гольденберга с товарищем прокурора Добржинским стали носить более доверительный характер. Гольденберг с удивлением для себя открыл, что Добржинский так же, как и он, хочет, чтобы в России воцарилась свобода и конституционные ценности. Добржинский уверял, что Конституция будет принята сразу же после того, как революционеры оставят свою опасную для общества деятельность. Гольденберг загорелся этой мыслью и вознамерился с помощью товарища прокурора добиться этих необходимых для России перемен. Он согласился дать показания и написал заявление, рассказывающее о своей деятельности, с обширным приложением, дающим характеристики многим революционерам. Эти характеристики были подробнейшими, включающими даже описание внешности.

После письменного признания Гольденберга перевели в Петербург. Необходимо было получить от него показания, оформленные протольно. Это удалось сделать после посещения арестанта М. Т. Лорис-Меликовым. Визит генерал-губернатора чрезвычайно польстил самолюбию Гольденберга. Генерал-губернатор немало поспособствовал его убеждению в важности дачи официальных показаний.

Гольденберг настолько попал под влияние Добржинского, что решил помочь делу и убедить в необходимости признаний других революционеров, Зунделевича и Кобылянского. Ему было разрешено свидание с Зунделевичем. Но все пошло не так, как было запланировано. На этом свидании Зунделевич раскрыл глаза на происходящее Гольденбергу. Тот понял, какую ошибку совершил.

После этого Гольденберг пытался передать товарищам записку, в которой доказывал, что он предатель. Также Гольденберг попросил Лорис-Меликова не делать ему никаких снисхождений на процессе и судить его наравне с другими революционерами. Его мучило осознание собственной вины и

того, сколько он выдал по собственной неосторожности, из-за позерства и болтливости.

За три месяца до суда Гольденберг покончил с собой. Его письменные показания использовались впоследствии на многих громких политических процессах против революционеров.

Михаил Тариелович Лорис-Меликов.

Петербургская жизнь

*Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепями, склонивши
выю,
Она молилась за царя.*

Н. М. Языков.
«Элегия».

А народовольцы тем временем готовили четвертое покушение на царя. Праздновали наступление нового, 1880 года в Петербурге. Кибальчич даже во время праздника был, как всегда, задумчив. Планы с подкопом не удавались.

У «Народной воли» в августе 1879 года появилась тайная типография. Стали издавать газету под названием «Народная воля – социально-революционное обозрение», тираж которой был 3000 экземпляров. Это была впечатляющая цифра, учитывая то, что газета издавалась подпольно. Газета отправлялась в Публичную библиотеку и Национальную парижскую библиотеку.

Кибальчич следил за работой типографии и не переставал заниматься публицистикой: он писал статьи об экономике и социальных науках.

Революционерка О. С. Любатович, жившая некоторое время в типографии, писала о Кибальчиче так: «Он всегда был так поглощен какой-то думой, что не было ни малейшей возможности расшевелить его, заставить разговаривать».

Ее напарница П. С. Ивановская вспоминала: «Однажды, когда мы были сильно заняты спешной работой, Н. И. вдруг обратился к нам с предложением напиться чаю.

– Поставьте самовар и кушайте на этот раз в одиночестве, – ответила Лилочка. – Самовар в кухне, там найдется все нужное.

Николай Иванович с изумлением остановился в дверях и, разводя руками, с оттенком возмущения сказал:

– Да ведь это же не мужская работа! – Заразительный взрыв хохота в ответ окончательно поверг его в недоумение.

– Так, так, только это дело мне вовсе незнакомо, – оправдывался он.

И так как никто не трогался с места, он все же ушел в кухню, чтобы попытаться разрешить задачу женского труда. Однако

оттуда вскоре послышался шум и грохот: что-то падало, со звоном катилось по полу, зажурчала вода из крана. Лилочка, бросив работу, опрометью кинулась на выручку. Растерявшийся Кибальчич стоял, не зная, как справиться со всей этой бестолочью. Из кухни он возвращался весь испачканный углем, смущенный и печальный...»

В типографии Кибальчич занимался не только организационной, но и технической работой. Он изобрел рецепт быстро сохнущей краски и состав для литья валиков. Это очень помогло работникам типографии, так как материалы для печати было очень сложно достать. Кибальчич думал и об улучшении качества бумаги – ее стали мочить в воде с добавлением спирта, чтобы повысить прочность.

Кибальчич выполнял и обязанности корректора газеты.

При этом Николая не покидали мысли о строительстве летательного аппарата. П. С. Ивановская вспоминала: «В нашей типографской работе Николай Иванович не принимал ни малейшего участия. Уходя из дому в 10 часов утра с портфелем под мышкой и в изрядно поблекшем цилиндре, он обычно возвращался поздно вечером, в редких случаях – к обеду. В своей комнате он занимался много, упорно. Его очень занимал тогда новый тип воздушного двигателя. Он заглядывал изредка в нашу рабочую комнату, но не для помощи, а, вернее всего, затем, чтобы ослабить немного напряженную работу мысли, расправить вечно согбенную над книгами спину.

По мере продолжения нашей совместной жизни Николай Иванович все более и более к нам приближался, и мы стали его больше понимать, свыкаться с этим своеобразным человеком, медлительным философом. Ему были чужды мелочность, обывательщина, кичливость своими знаниями. Всегда спокойный, меланхолический, он вдруг оживал до неузнаваемости при каждом посещении нашей квартиры Верой Николаевной Фигнер, делаясь веселым, разговорчивым.

Выглядел Кибальчич сухим, сдержанным человеком, даже вялым, очень молчаливым. Тонкие и правильные черты его лица казались безжизненными и равнодушными. Но это так казалось только с первого взгляда. Этот якобы созерцательный человек иногда говорил, что у него появляется по временам желание бросить зажженную спичку у пороховой бочки».

Вера Фигнер.

О. С. Любатович вспоминала: «У нас бывал Кибальчич, Богородский (через которого велись сношения с крепостью) и другие... Кибальчичу иногда приходилось, бывало, оставаться у нас по часу и больше, поджидая кого-нибудь; но он всегда был так поглощен какой-то думой, что не было ни малейшей возможности расшевелить его, заставить разговаривать».

А вот точка зрения Л. А. Тихомирова: «Он также занимался

денежной работой (литературной) и много читал по истории, социологии, политической экономии. Он обладал очень хорошей памятью и быстрым соображением, только при таких условиях ему и удавалось следить за наукой при таком незначительном количестве времени. Писал Кибальчич легко и очень хорошо, но мало – по недостатку времени».

Над поиском подпольной типографии упорно работала полиция, но ее поиски были безуспешны. В итоге Третье отделение пришло к выводу, что революционные газеты народовольцев издаются за границей: краска, бумага и оборудование были по своему качеству очень похожи на заграничные.

В декабре 1879 года арестовали Сергея Мартыновского, члена «Земли и воли». У него нашли печати для изготовления фальшивых документов и уже подделанные документы. По этим бумагам вышли на след супругов Лысенко, у которых располагалась типография. Через месяц полиция взяла типографию штурмом. Там обнаружили литературу по изготовлению взрывчатки, а также динамит и принадлежности для взрывных устройств – это были следы пребывания в типографии Кибальчича.

После разгрома этой типографии, которую называли Вольной типографией, начала действовать летучая типография, местонахождение которой оставалось неизвестным.

Взрыв в Зимнем дворце

*Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.*

Н. М. Языков.
«Элегия».

Идея убийства императора в его же дворце возникла у террористов давно, но ее предполагалось воплотить в жизнь только в случае неудачи покушений на железной дороге. О плане убийства царя в Зимнем дворце знал очень ограниченный круг лиц. Итак, после нескольких безуспешных взрывов на железной дороге, народовольцы начали готовить покушение на царя в Зимнем дворце.

На первом этаже трехэтажного Зимнего дворца жили служащие, на втором – император с семьей, на третьем – придворные и фрейлины.

В 1837 году в здании дворца произошел пожар, практически уничтоживший второй и третий этажи. При восстановлении здания основательно укрепили стены и перекрытия, перегородки между комнатами сделали кирпичными. Это значительно усложняло задачу организации во дворце взрыва.

Главная ответственность за организацию взрыва лежала на Степане Халтурине. Он был выходцем из простого народа и прекрасным столяром.

Профессия Халтурина и помогла ему проникнуть в Зимний дворец. Во дворце была столярная мастерская, в которой трудились около ста рабочих, живших там же. Степан смог устроиться на работу в эту мастерскую через знакомых столяров. При этом документы он использовал поддельные – паспорт на имя Степана Батышкова.

Степан произвел хорошее впечатление на начальство да и столярничать был мастер, и вскоре ему стали поручать работы в царских покоях. Халтурин не терял времени даром и старался побыстрее ознакомиться с планом расположения комнат во дворце.

План покушения на царя Халтурин разрабатывал вместе с Квятковским. Они пришли к выводу, что удобнее всего будет взорвать царскую столовую. Комната, где жил Халтурин,

находилась как раз под ней.

Зимний дворец после взрыва 5 февраля 1880 г.

Для взрыва необходимой силы требовалось большое количество динамита – несколько пудов. Пронести столько взрывчатого вещества во дворец представлялось делом крайне затруднительным. Единственным выходом было понемногу проносить динамит в очень малых количествах.

Халтурин сдружился с надзирателем за рабочими Петроцким, который давал начальству о Степане самые лучшие характеристики.

Динамит Халтурину передавал Квятковский в маленьких мешочках, а Степан проносил их под видом мешочков с сахаром и прятал в сундук. Всего у Квятковского было 20 пудов динамита, который оставил ему Кибальчич, уезжая в августе 1879 года в Одессу.

Но неожиданно 24 ноября Квятковский был арестован. Это произошло по вине Евгении Фигнер, которая навлекла подозрения полиции, отдав на хранение нелегальную литературу не в те руки. Нагрянул обыск. Квятковский и Фигнер жили вместе, и в их квартире было обнаружено большое количество динамита и план Зимнего дворца, на котором царская столовая была помечена крестиком. Крест можно было ставить и на скорейшей реализации плана покушения.

Во дворце усилились меры безопасности. Все отлучки служащих тщательно фиксировались. Входящих во дворец обыскивали. Доставлять динамит стало чрезвычайно трудно. Халтурин теперь прятал мешочек с динамитом на груди, когда входил в здание, и надеялся, что его запасы динамита не будут обнаружены. Теперь динамит Халтурину передавал Желябов. Часто Халтурину не удавалось сразу же спрятать динамит в сундук с бельем, и ему приходилось спать с динамитным мешочком на груди. Испарения динамита очень плохо сказывались на здоровье Степана: он пожелтел, высох, начал кашлять.

А динамит, который хранился у Желябова, был уже на исходе. Но в середине декабря приехал Кибальчич и занялся изготовлением нового динамита.

Динамит делали в квартире на Большой Подъяческой. Кибальчичу помогали Исаев, Якимова и Лебедева – хозяева квартиры. Атмосфера в квартире была невыносимой в физическом плане из-за отравляющих паров ядовитых веществ, плохого света и практически отсутствия вентиляции.

Даже в такой обстановке Кибальчич не забывал о своей мечте. А. Зунделевич вспоминал: «Как-то в начале 1880 года я случайно встретил Кибальчича на улице... Обычно мы не поддерживали контакта, так как оба были заняты очень секретной работой: я в тайной типографии, а Кибальчич – в тайной лаборатории, но тут вдруг неожиданно мы столкнулись нос к носу. Никаких шпижов поблизости не было. Ну, мы и поговорили. Я между прочим спросил Кибальчича, чем он сейчас занят. Каково было мое удивление, когда Кибальчич ответил: „Обдумываю проект летательной машины...“ Помню, я тогда подумал: „Уж не заговаривается ли он?“ Мне казалось, что Кибальчич несколько не в себе, объяснил это трудностями нелегальной жизни и революционной борьбы. Но, оказывается, Кибальчич совсем не заговаривался. Это обнаружилось год спустя, на процессе по делу 1 марта».

Кибальчич рассчитал, что для взрыва, который сможет убить императора, понадобится 15 пудов динамита. Халтурин же сумел пронести за все время своей жизни во дворец лишь 2 пуда. Теоретически при должном применении и этого количества могло хватить, но риски неудачи были велики.

Во время обыска в типографии в январе был найден подложный паспорт Степана Батышкова. Халтурин рисковал все больше и больше. Полиция теперь могла заинтересоваться его паспортом в любое время.

Медлить было нельзя, и народовольцы решили действовать.

Кибальчич посоветовал поставить сундук с динамитом ближе к углу и просверлить в стене отверстия для фитилей.

Для устройства взрыва было необходимо сочетание двух обстоятельств: нужно было, чтобы царь находился в столовой и в то же время никого не было в находящейся под столовой комнате Халтурина.

Наконец такой вечер выдался и Халтурин заложил динамит. В 18 часов 22 минуты в столовой прогремел взрыв. От его оглушительной силы были разрушены многие помещения, но только на первом этаже. Царская столовая практически не пострадала, да в ней никого и не было в момент взрыва. Зато погибли 11 ни в чем не повинных дворцовых служащих и получили ранения 56.

Халтурин после закладки динамита сразу покинул дворец и оставался в динамитной мастерской до прихода известий о результате взрыва. Известие о том, что убийство царя и его семьи не удалось, чрезвычайно расстроило молодого революционера.

Кибальчич предложил Степану заняться революционной пропагандой среди рабочих в Москве, и весной тот уехал туда из Петербурга.

Полиция установила личность Степана Халтурина, проживавшего во дворце под именем Батышкова. Он исчез сразу после взрыва, а после проверки его документов выяснилось, что крестьянина Степана Батышкова Каргопольского уезда не существует. Халтурин успешно скрывался. Но в 1882 году все же был казнен после убийства им одесского военного прокурора Стрельникова. Хотя тогда полиция так и не узнала, что это тот самый Халтурин, который организовал взрыв в царской столовой.

7 февраля 1880 года, после покушения, «Народная воля» выпустила прокламацию: «По постановлению Исполнительного комитета 5 февраля в 6 часов 22 мин. вечера совершено новое покушение на жизнь Александра Вешателя посредством взрыва в Зимнем дворце. Заряд был рассчитан верно, но царь опоздал на этот раз к обеду на полчаса, и взрыв застал его на пути в столовую. Таким образом, к несчастью родины, царь уцелел.

С глубоким прискорбием смотрим мы на гибель несчастных солдат царского караула, этих подневольных хранителей вечного злодея. Но... пока армия будет оплотом царского произвола, пока она не поймет, что в интересах родины ее священный долг стать за народ против царя, такие трагические столкновения неизбежны.

Еще раз напоминаем всей России, что мы начали вооруженную борьбу, будучи вынуждены к этому самим правительством, его тираническим и насильственным

подавлением всякой деятельности, направленной к народному благу. Правительство само становится преградой на пути свободного развития народной жизни. Оно само ставит каждого честного человека в необходимость или отказаться от всякой мысли служить народу, или вступить в борьбу на смерть с представителями государства. Объявляем еще раз Александру II, что эту борьбу мы будем вести до тех пор, пока он не откажется от своей власти в пользу народа, пока он не предоставит общественное переустройство всенародному Учредительному собранию, составленному свободно, снабженному инструкциями от избирателей. А пока первый шаг в деле освобождения родины по-прежнему стоит задачей перед нами, и мы разрешим ее во что бы то ни стало.

Призываем всех русских граждан помочь нам в этой борьбе против бессмысленного и бесчеловечного произвола, под давлением которого погибают все лучшие силы Отечества».

Четвертое покушение «Народной воли» на царя сделало организацию еще более известной. О ней писали все газеты.

Император созвал экстренное совещание, по итогам которого была создана Верховная распорядительная комиссия во главе с Лорис-Меликовым. Новая комиссия ослабила давление на политически несогласных. При этом увеличились суммы, выделявшиеся на развитие тайной полиции, агентурной сети. За умелое лавирование между либеральной общественностью и интересами сохранения монархического строя Лорис-Меликов получил прозвище «Бархатный диктатор». Он разрабатывал так называемую конституцию графа Лорис-Меликова. В августе Верховную распорядительную комиссию и Третье отделение упразднили. Лорис-Меликов стал министром внутренних дел.

Памятник героям-финляндцам (солдатам и унтер-офицерам Финляндского полка, погибшим при покушении на Александра II в Зимнем дворце в 1880 г.) на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге.

Последнее покушение

«Народная воля» вновь вернулась к плану взрыва на дороге. Кибальчич предложил сделать подкоп на улице. На лето царь уезжал в Ливадию. Саблин, Перовская, Якимов и Исаева отправились для организации покушения в Одессу. Уже в конце марта заговорщики стали готовиться к убийству царя.

Для покушения была выбрана улица, ведущая от вокзала к порту. Саблин и Перовская под именем супругов Прохоровских сняли на этой улице лавочку и завели торговлю бакалеей.

Приезд царя ожидали в мае. Подкоп решили делать буравом, а не лопатами. Работать им было сложно, так как глинистая почва забивала бурав. Днем работам мешали покупатели, приходившие в лавку, из которой начинался подкоп. У Исаева в руках взорвалась гремучая медь, он потерял три пальца. Бурав случайно изменил направление и чуть не вывел подкоп на тротуар, тогда как его нужно было подвести под мостовую. Землю вначале складывали в одной из комнат, а потом выносили.

Внезапно пришло известие, что царь прибывает через три дня. Стало ясно, что доделать подкоп к этому сроку невозможно. Его засыпали землей, а бакалейную лавочку закрыли.

Вскоре народовольцы разъехались из Одессы. Один из участников того покушения Меркулов впоследствии стал предателем, свидетельствовал против своих на «процессе 20-ти» и выдал властям Веру Фигнер.

Устройство покушения на дороге стало практически невозможным. Железнодорожное и шоссеиное полотно теперь тщательно охранялись. Сторожа стояли на всем пути царя от Петербурга до Ливадии. Этот план охраны был лично одобрен царем.

Исполнительный комитет «Народной воли» принял решение организовать покушение в Петербурге. Там тоже была усилена охрана, но все же возможностей было больше. Кибальчич предложил взорвать мост по пути следования царя в Петербурге. Особо рьяно за этот проект взялся Михайлов. После наблюдений за маршрутом царя он выбрал самое удобное для покушения место – Екатерининский канал, через который царь проезжал, когда следовал с Царскосельского вокзала в Зимний дворец.

Заговорщики решили заложить под Каменным мостом, что над Екатерининским каналом, мину, чтобы взорвать ее при проезде царя. Но сделать это было крайне сложно. Было бы трудно закрепить мину под гладким каменным сводом моста, тем более что возле моста был полицейский пост. Желябов предложил

подплыть с миной под мост на лодке, но у Кибальчича был более безопасный вариант. Можно было заложить мину на дно реки, глубина в этом месте была небольшой. Необходимо было семь пудов динамита, запакованного в гуттаперчевые подушки, чтобы он не испортился. А перед проездом царя нужно было подплыть на лодке и соединить концы проводов, чтобы произошел взрыв.

На дно реки опустили 30-килограммовую резиновую подушку, обвязанную веревкой. Концы веревки и провода незаметно прикрепили к лежащему рядом плоту. Задумывалось, что при покушении один из заговорщиков соединит провода с батареей, делая вид, что моет на плоту картофель.

В подготовке к убийству императора прошла большая часть лета. Наконец пришло известие, что 17 августа Александр Второй уезжает в Крым. Но покушение не удалось, так как царь отправился в Ливадию прямо из Царского Села, не заезжая в Петербург. Резиновые подушки с динамитом попробовали достать со дна канала, но имеющиеся у заговорщиков «кошки» оказались слишком маленькими для этого. Рисковать повторно никто не стал. В июне следующего года полиция достала со дна Екатерининского канала 115 килограммов динамита. О его местонахождении стало известно после ареста одного из участников подготовки того покушения – Меркулова. Народовольцы же думали, что информацию передал властям Макар Тетерка, и во время совместного заключения выказывали ему повсеместное презрение, пока на «процессе 20-ти» не выяснилась правда.

Кибальчич занимался не только изготовлением мин и бомб. После разгрома типографии в январе 1880 года он организовывал работу так называемой летучей типографии. Расположена она была в его квартире, которую он снимал под фамилией Агатескулов. Под видом жены Кибальчича там же жила Прасковья Ивановская, а под видом прислуги – Людмила Терентьева. Они были наборщицами в подпольной типографии.

По воспоминаниям Ивановской, они не сразу нашли общий язык с Кибальчичем: «Мы выразили желание раньше оборудования квартиры встретиться с будущим нашим хозяином. Мы шли с Лилой (Терентьевой) на смотрины, как на первый пробный экзамен, в приподнятом настроении, преувеличивая несколько действительность. Лилочка как более молодая, экспансивная, торопясь и волнуясь, все приставала с вопросами:

– Какой он – добрый, умный, серьезный?.. Откуда пришел он?..»

Но встреча с Н. И. Кибальчичем вышла довольно сухой, сдержанной, с коротким обменом мнений по поводу устройства

квартиры и количественного состава работников. И мы не только не познакомились дружески, как одной веры и одной мысли люди, но выразили к нашему замкнутому, будущему хозяину не вполне доброе отношение.

Правда, солидный по виду Николай Иванович Кибальчич казался много старше своих лет, и это внушало с нашей стороны почтительное к нему чувство. Он был среднего роста, не очень сильного сложения, черты лица его были тонки и правильны, но излишне разлитая бледность без сменяющейся нервной подвижности придавала его физиономии какой-то неопрятный вид безжизненности, оттенка равнодушия ко всему.

Спадавшие на высокий лоб пряди темных волос, прямые, как ледяные сосульки, создавали на лишенном подвижности лице выражение тупости, полного небытия. Изредка, впрочем, его прекрасные голубые глаза внезапно вспыхивали, смягчая и скрашивая вялость лица.

– Вот так хозяин! Степка-растрепка... Жить и работать доведется в условиях сложных, требующих большой осмотрительности, порой быстрой находчивости... Все же любопытно! – выпаливала на обратном пути Лила свои замечания.

Впоследствии наше невыгодное мнение о Н. И. Кибальчиче решительно и резко изменилось. Мы вынесли свое опрометчивое и глубоко ошибочное определение только потому, что он был натурой высокосозерцательной, человек жизни, книжник.

Действительность показала, как наивна была попытка в течение одной встречи понять и узнать сложную и замкнутую натуру Николая Ивановича. Это внешнее впечатление, производимое в первый момент Н. И. Кибальчичем, многих приводило к несправедливым о нем суждениям, в чем, однако, не было ни правды, ни вдумчивого понимания его индивидуальных особенностей.

Это ошибочное о нем представление возникло потому, что он был чужд обычных, шумных, эмоциональных порывов. Но Николай Иванович не был пессимистом, в вульгарном смысле этого слова, хотя и иллюзий, присущих большинству тогдашней молодежи, у него действительно не было; однако в его словах светилась надежда. Мучительно перестрадав период жесточайшей реакции и продолжительного одиночного заключения, он в редкие моменты, как бы переполненный горечью, говаривал, что у него является иногда желание бросить зажженную спичку у пороховой бочки.

Освободившись из тюрьмы, Николай Иванович в 1879 году предложил через Квятковского свои силы и знания партии

«Народная воля», разделяя и признавая правоту ее дела. Иногда он едва-едва касался своего прошлого, продолжительного сидения в тюрьме, знакомство в ней с уголовными типами из «шпаны».

А вот воспоминания Ивановской о последнем дне, проведенном с Кибальчицем: «В последний день перед самым нашим распадом Николай Иванович попросил сходить с ним в Гостиный двор помочь приобрести новое „приличное“ (как добавил А. Михайлов) пальто. Эта деловая прогулка почему-то неизгладимо запечатлелась в памяти со всеми подробностями.

День стоял необычайно красивый, солнечный. Николай Иванович под влиянием ли этой красоты осеннего дня, или по иной причине, весь путь по Невскому был весел, шутлив, разговорчив.

В Гостиных рядах мы с большой тщательностью выбрали пальто, которое Николай Иванович тут же надел на себя; для большего шика куплены были тросточка и перчатки. На обратном пути Николай Иванович внезапно остановился среди тротуара. Внимательный осмотр своей изысканно одетой фигуры, по-видимому, вполне удовлетворил его; по бледному лицу его разлилась широкая ребяческая улыбка.

В этот же день мы распрощались с Николаем Ивановичем навсегда. Конец его жизни многим открыл всю внутреннюю величавую красоту этого замкнутого человека».

В конце лета 1880 года Кибальчич устроил новую мастерскую по изготовлению взрывчатых веществ, сняв квартиру под именем штабс-капитана Григория Александрова с Христиной Гринберг, которая по поддельным документам была его женой. С большой осторожностью в эту квартиру было перенесено оборудование для изготовления взрывчатки и взрывных устройств.

Неожиданно на имя штабс-капитана Александрова пришло требование явиться в штаб округа в течение 12 часов. Перед Кибальчицем встал сложный выбор: либо пойти в штаб, рискуя там встретить знакомых настоящего штабс-капитана, либо проигнорировать требование и ждать разбирательства от штабного начальства. В обоих случаях риски обнаружить себя и раскрыть мастерскую были велики.

Кибальчич все же решил отправиться в штаб. Там его отчитали за то, что он, находясь под судом, приехал с Кавказа в Петербург и не сообщил о своем местопребывании.

Вскоре народовольцы узнали, что вернулся настоящий штабс-капитан Григорий Александров и поселился под Петербургом. Теперь гораздо проще было раскрыть существование его двойника. Положение становилось опасным. В течение двух суток

квартира, где жил тогда Кибальчич, была очищена от всех следов нахождения в ней мастерской.

Осенью 1880 года Кибальчич переехал на Невский проспект. Он снял квартиру под именем Василия Агатескулова.

Убийство императора

Народовольцы приступили к разработке следующего плана покушения. Были идеи бросить в царя бомбу или заколоть его кинжалом на улице. В итоге остановились на первом варианте как на более безопасном для самих убийц.

В ноябре «Народная воля» организовала наблюдательный отряд, который следил за всеми поездками царя, чтобы узнать его распорядок дня. Ежедневно по двое вели наблюдение за дворцом. Ежедневно отряд собирался, чтобы обсудить узнанное о маршрутах царя за день. Чтобы вести наблюдение незаметно, члены отряда переодевались.

Обычно по будням император в обед отправлялся в Летний сад. Его карету в это время охраняли шесть человек из конвоя. Из Летнего сада император мог отправиться потом куда угодно, и узнать, куда именно, было крайне сложно. Каждое воскресенье царь отправлялся на развод караула в Михайловский манеж. На обратном пути он заезжал в Михайловский дворец. Когда карета поворачивала на набережную Екатерининского канала, то ехала очень тихо. Перовская предложила бросить бомбу именно в этот момент. Кибальчич согласился на такие меры как запасные в случае, если не сработает план с очередным подкопом. Если же и план с бомбой не сработает, то царя должен будет заколоть кинжалом Желябов.

Нашли место для начала подкопа. Им оказалось полуподвальное помещение в одном из домов на Малой Садовой. Для маскировки в нем решили устроить сырную лавку. Кибальчич приступил к изготовлению динамита, запала для мины и бомб.

Кибальчич, Желябов и Колодкевич занимались пропагандой в военной среде. Особенно близок Кибальчич был с артиллеристами: ведь у них были общие интересы по взрывному делу. От них Кибальчич получал нужную литературу и дельные советы. Весной 1880 года был образован даже отдельный кружок артиллеристов наряду с центральным кружком и кружком моряков.

Однажды в новой мастерской разбилась бутылка с кислотой. Из-за этого позеленел карниз. На следующий день узнать о том, что произошло, явился дворник. Проживающей в квартире Морейнис удалось уговорить его не заходить в квартиру.

В декабре 1880 года Богданович и Якимова по документам супругов Кобозевых сняли помещение для магазина сыров. Продажа сыра, однако, шла гораздо хуже, чем рытье подкопа на Малую Садовую. Рядом располагались другие магазины,

которые были более привлекательны для покупателей.

Земельные работы начинали сразу после закрытия лавки. Подкоп начинался прямо из жилого помещения. В стене комнаты сделали пролом, который прикрыли деревянным щитом. На ночь щит снимался, и закипала работа.

Кибальчич никогда в этой работе не участвовал. Он вообще ни разу не появился в этой лавке от греха подальше. Кибальчичу нельзя было навлекать на себя никакие подозрения, ведь никто в «Народной воле» в случае его ареста не смог бы взять на себя обязанности техника и специалиста по взрывному делу.

В то время как соратники Кибальчича делали подкоп, он изобретал бомбу для убийства ненавистного императора. Эта бомба должна была быть небольшой и надежной – нелепо было бы терпеть поражение в покушении уже в пятый раз.

Ознакомившись с планом подкопа на Малой Садовой и расположением там зданий, Кибальчич порекомендовал использовать две мины, в каждой по пуду динамита.

Для того чтобы облегчить работу под землей, Кибальчич изобрел респиратор из ваты, пропитанной марганцовкой. Его недостатком было то, что в нем было тяжело дышать.

Меж тем начали возникать подозрения относительно сырной лавки Кобозевых. Владелец соседнего магазина заглянул к ним на чай, и многое показалось бывалому торговцу странным в ведении дел соседей. Было видно, что сырами они никогда не занимались, да и ничем другим тоже: эта сырная лавка несла большие убытки. Купец рассказал о своих подозрениях знакомому приставу. Было решено провести в этом помещении санитарно-технический осмотр, но он не дал никаких результатов.

Кибальчич разрабатывал бомбу и испытывал различные варианты, выезжая за город. Лучшей оказалась бомба с кислотным взрывателем.

Кибальчичу так хотелось изобрести что-то полезное для человечества – так чем не полезна бомба, которая убьет царя-кровапийцу и сделает жизнь миллионов людей легче? Это будет первым маленьким шагом к освобождению России. Кибальчич в юности не терпел насилия и смело выступал против него, а теперь сам решил, что в этом мире можно действовать только силой.

Взрывчатым веществом в бомбе был гремучий студень. Взрыв происходил, когда от удара разбивались стеклянные трубочки в емкости бомбы.

Бомбы Кибальчича были передовым словом для своего времени. Кибальчич старался их усовершенствовать, уменьшив зону поражения взрыва. Решено было использовать бомбу, радиус

поражения которой был чуть больше двух метров. Назначили метателей бомб, которыми стали Игнатий Гриневицкий, Тимофей Михайлов, Николай Рысаков и Иван Емельянов.

27 февраля 1881 года были арестованы Желябов и Тригони. На следующий день стало известно об осмотре полицией сырной лавки. Нужно было действовать без промедления. В тот же день народовольцы небольшой компанией отправились за город испытывать бомбу. Вернувшись, они узнали об аресте товарищей. Убийство решили совершить завтра же, первого марта. Всю ночь готовили бомбы. Они были готовы к 9 утра.

Желябов 28 февраля на допросе сказал, что с царем вскоре будет покончено.

Вместо арестованного Желябова руководить группой убийц взялась Перовская.

Бросить в царя бомбу было необходимо лишь в случае, если бы не сработал план с минами на Малой Садовой.

1 марта император поехал не по Малой Садовой, а вдоль Екатерининского канала. Об этом Александра попросила его жена, у которой было плохое предчувствие.

Царь возвращался во дворец в хорошем настроении. Несмотря на первый день весны, было морозно-солнечно. Александр невольно улыбнулся, увидев из окна кареты, как торопливо бежит, чтобы не успеть замерзнуть, какой-то мальчишка.

Этот мальчик, Коля Захаров, был посыльным в лавке. Хозяин в тот день отправил к богатым купцам по соседству отнести лучшей свинины. Мальчик быстро добежал до их дома, и ему даже дали на чай за расторопность. Коля работал в лавке целый день, а по вечерам овладевал книжной премудростью. Учеба давалась ему легко. Утром Коля был на обедне и причастился Христовых таин. Как и положено, он говееет и к причастию тщательно готовился. Эх, Пасха еще не скоро... Вдруг резкая вспышка света. Боль. Пустота.

На снегу лежит окровавленное тело мальчика. Царская карета повреждена, но император невредим. Александр выходит из кареты. Ему навстречу движется Гриневицкий. Еще один взрыв. Царь еще жив, но у него раздроблены ноги, он истекает кровью и быстро теряет сознание.

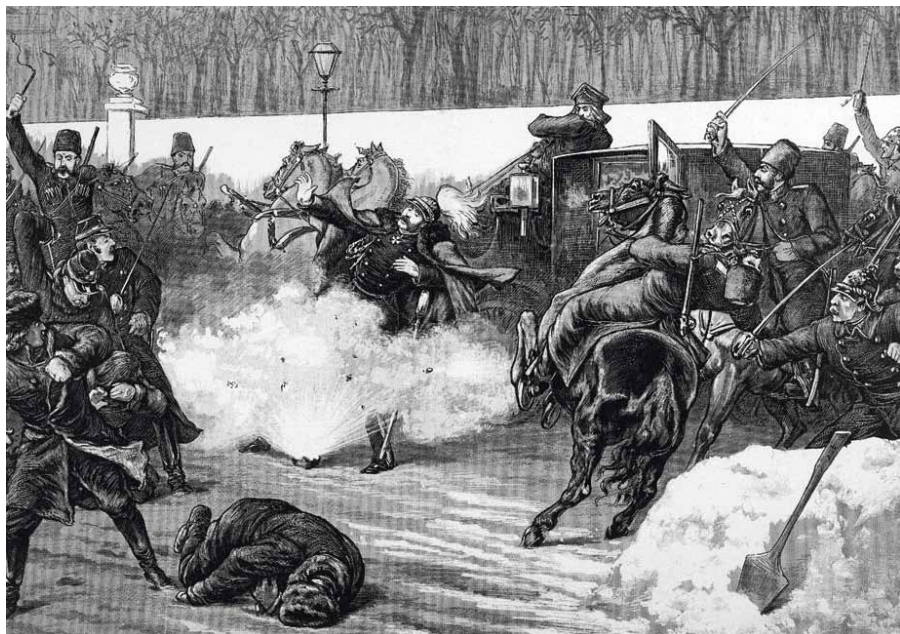
Первую бомбу метнул Рысаков, после того как Перовская подала знак, взмахнув платком.

Еще один бомбометатель, Емельянов, видя, что его жертва уже не требуется, подошел к царю и заботливо помог уложить его в сани. Император умер в Зимнем дворце.

На месте убийства Александра Второго теперь стоит храм

Спаса на Крови.

Убийца Гриневицкий мучился перед смертью в агонии восемь часов.

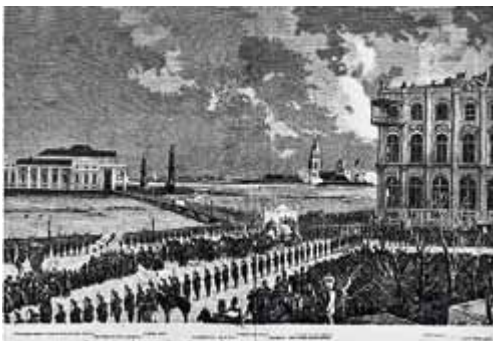
Покушение на Александра II 1 марта 1881 года: взрыв террористом Гриневицким снаряда на Екатерининском канале.

Александр II на смертном одре. Художник К. Е. Маковский.

Собор Воскресения Христова на Крови (Храм Спаса на Крови).
Архитекторы А. Парланд и архимандрит Игнатий (Малышев).

Похороны императора Александра II.

Революционеры рассчитывали на народные волнения после убийства царя. Сразу после совершения этого теракта Исполнительный комитет «Народной воли» выпустил прокламацию.

«ОТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

Сегодня, 1 марта 1881 г., согласно постановлению Исполнительного комитета от 26 августа 1879 г., приведена в исполнение казнь Александра II двумя агентами Исп. ком.

Имена этих мужественных исполнителей революционного правосудия Исп. ком. пока не считает возможность опубликовать.

Два года усилий и тяжелых жертв увенчались успехом. Отныне вся Россия может убедиться, что настойчивое и упорное ведение борьбы способно сломить даже вековой деспотизм Романовых.

Исп. ком. считает необходимым снова напомнить во всеуслышание, что он неоднократно предостерегал ныне умершего тирана, неоднократно увещевал его покончить свое человекоубийственное самоуправство и возвратить России ее естественные права.

Всем известно, что тиран не обратил внимания на все предостережения, продолжая прежнюю политику. Он не мог воздержаться даже от казней, даже таких возмутительно несправедливых, как казнь Квятковского. Репрессалии продолжаются. Исп. ком., все время не выпуская оружия из рук, постановил провести казнь над деспотом в исполнение во что бы то ни стало. 1 марта это было исполнено.

Обращаемся к вновь воцарившемуся Александру III с напоминанием, что историческая справедливость существует и для него, как для всех.

Россия, истомленная голодом, измученная самоуправством администрации, постоянно теряющая силы сынов своих на виселицах, на каторге, в ссылках, в томительном бездействии, вынужденном существующим режимом, – Россия не может жить так далее. Она требует простора, она должна разродиться согласно своим потребностям, своим желаниям, своей воле. Напоминаем Александру III, что всякий насильователь воли народа есть народный враг... и тиран. Смерть Александра II показала, какого возмездия достойна такая роль.

Исп. ком. обращается к мужеству и патриотизму русских граждан с просьбой о поддержке, если Александр III вынудит революционеров вести борьбу с ним.

Только широкая энергичная самодеятельность народа, только активная борьба всех честных граждан против деспотизма может вывести Россию на путь свободного и самостоятельного развития.

Исп. ком., 1 марта 1881 г. Типография „Народной воли“, 2 марта 1881 г.».

Никаких волнений в народе, разумеется, не произошло. «Народная воля» руководствовалась вовсе не народной волей.

Задержали Рысакова. На допросе он во всем признался.

Вслед за ним арестовали Николая Саблина и Гесю Гельфман. Об их задержании сообщалось в газете «Правительственный вестник»: «Вследствие сведений, полученных властями при производстве расследования по настоящему делу о том, что по Тележной улице в доме № 5 находится так называемая конспиративная квартира, в означенном доме, в квартире № 5, сделан был ночью на 3 марта внезапный обыск. По приходе к дверям означенной квартиры помощник пристава Рейнгольд на данный звонок услышал, как мужской голос спросил:

– Кто тут?

После ответа дверь затворилась, и на неоднократные звонки голоса из квартиры не подавались, вследствие чего было сделано распоряжение ломать двери. Лишь только послышались удары топора у дверей, как раздались подряд один за другим шесть выстрелов из револьвера, из которых один попал и дверь; после шестого выстрела все стихло, а немного спустя дверь отворила женщина небольшого роста, лет двадцати пяти, просившая о помощи.

При входе в квартиру на полу лежал, плавая в крови, мужчина среднего роста с темно-русою окладистой бородою, на

вид лет тридцати двух, одетый и русскую красную кумачовую рубашку, серые триковые немецкого покроя брюки и ботинки. Повидимому, самоубийца уложил себя шестым выстрелом, направленным в левый глаз, наповал.

Женщина, отворившая дверь, немедленно была схвачена и подвергнута допросу, причем отказалась дать какие-либо объяснения».

Кибальчич первым узнал об их аресте и пришел на собрание Исполнительного комитета, чтобы рассказать об этом. На этом собрании революционеры написали обращение к новому царю.

10 марта арестовали Перовскую. 17 марта – Кибальчича. При поимке Николая полицией его опознал Окладский. Засада, оставленная в квартире Кибальчича, в тот же вечер взяла и Фроленко. Сегодня на стене злополучного дома, где произошел этот арест, можно увидеть мемориальную доску, напоминающую о тех событиях.

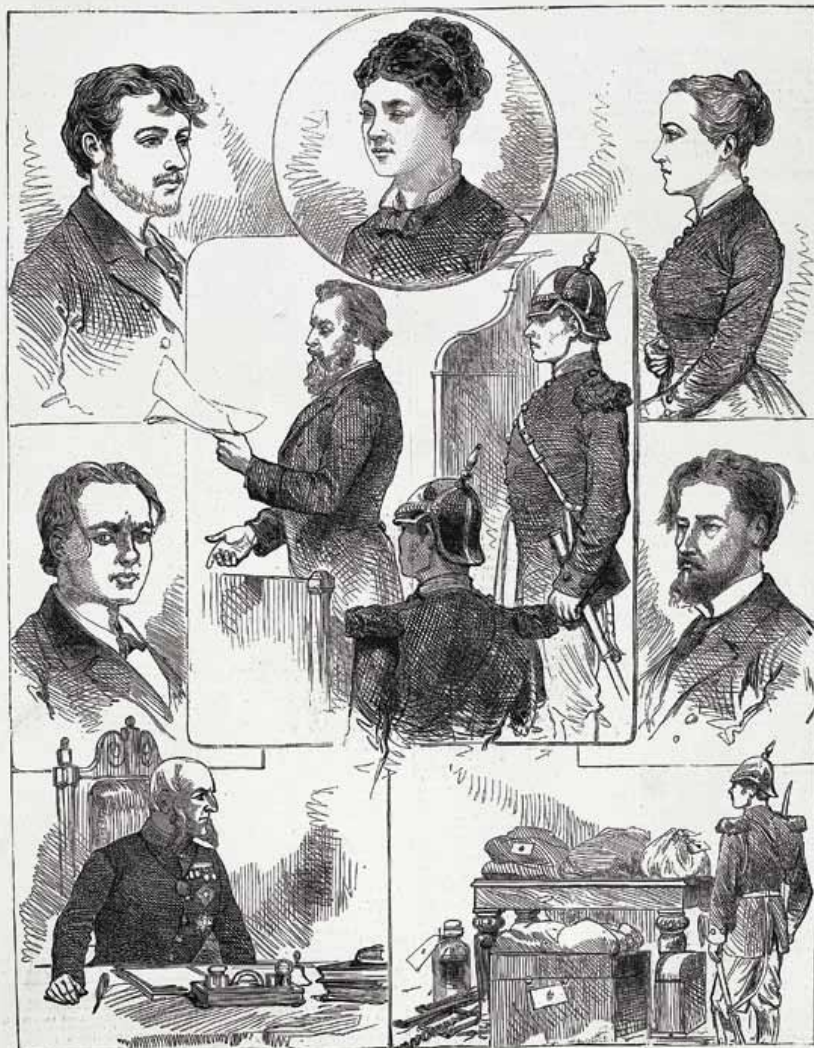
Об аресте Кибальчича сразу же было доложено императору.

Первый допрос Кибальчича провел градоначальник Петербурга Баранов в секретном отделении. 20 марта в Департаменте полиции Рысаков опознал Кибальчича как главного техника. Кибальчич признал свою вину, но отказался выдать соучастников. Он заявил на допросе, что в «Народной воле» на свободе остались люди, которые могут продолжить взрывную деятельность. Он хотел запугать правительство.

Суд над первомайцами был назначен на 26 марта. Кибальчича арестовали позже, поэтому при желании он мог требовать, чтобы его судили позже отдельно. Но Кибальчич попросил, чтобы его дело рассматривали вместе с остальными в тот же день.

Великий князь Александр Александрович (будущий Александр III) с супругой Марией Фёдоровной.

SAINT-PETERSBOURG : LE PROCÈS DES ASSASSINS DE L'EMPEREUR ALEXANDRE II

Процесс над убийцами императора Александра II. Слева направо сверху: Михайлов, Софья Перовская, Гесья Гельфман. В центре: Рысаков, Желябов, произносящий речь, Кибальчич. Внизу: сенатор Фукс, председатель Верховного суда и вещественные доказательства.

В ожидании суда Кибальчич начал заниматься проектом летательного аппарата. Пока не дали бумагу, он чертил его сломанной пуговицей на стене камеры. Кибальчич хотел создать ракетный летательный аппарат. Он считал, что поднять такой аппарат в воздух сможет только сила взрыва. А с ее теорией Кибальчич как взрывотехник «Народной воли» был прекрасно

знаком. Для своего времени проект ракетного летательного аппарата Кибальчича был прорывом. При этом у него были недостатки. Кибальчич писал его два дня. Аппарат мог перемещаться в безвоздушном пространстве.

Проект Кибальчича стал первым шагом в истории звездоплавания, по словам Я. И. Перельмана, советского математика и физика.

До Кибальчича о подобных вещах тоже задумывались. В 1870 году И. И. Третеский, военный инженер, предложил использовать для поднятия летательного аппарата пороховые газы.

О проекте Кибальчича до революции 1917 года больше писали за границей, чем в России.

Перед судом Кибальчич просил своего защитника Герарда спасти его идею. Он хотел, чтобы его проект передали экспертам.

16 дней до суда Кибальчич думал только о проекте своей летательной машины, не надеясь на оправдательный приговор.

Герард передал проект Кибальчича Лорис-Меликову.

Незадолго до этого новый император Александр Третий не принял рескрипт о созыве представителей земств и городов, подготовленный Лорис-Меликовым. На нового царя Лорис-Меликов влияния не имел.

Затем проект Кибальчича отправился к генералу Комарову – начальнику Петербургского жандармского управления. Тот сразу же передал его в Департамент государственной полиции. Директор Департамента полиции И. О. Велио наложил на проект следующую резолюцию: «Приобщить к делу о 1 Мар. Давать это на рассмотр. ученых теперь едва ли будет своевр. и может вызв. только неуместн. толки».

До 1917 года проект Кибальчича хранился в секретном отделе полиции. Впервые опубликовали его после Октябрьской революции в журнале «Былое».

26 марта в Особом присутствии сената начался суд над первоапрельцами. Председателем суда был Э. Я. Фукс. Были представители всех сословий. На этот открытый процесс можно было приобрести билет. На процессе присутствовали многие дипломаты, министры, петербургский градоначальник. Было 10 иностранных корреспондентов и 5 представителей отечественной прессы. Участники процесса проходили в зал заседания по белым билетам, а зрители приобретали коричневые.

Подсудимыми были Кибальчич, Михайлов, Желябов, Рысаков, Гельфман и Перовская. Отец Перовской был петербургским губернатором. Рысаков выдал следствию много подробностей дела, но это не помогло избежать ему приговора.

Желябов подал заявление, в котором указывал, что их дело должно рассматриваться судом присяжных, как дело Веры Засулич, впоследствии оправданной. Это заявление суд не стал обнародовать и отказал в прошении.

Прокурор Муравьев на суде критиковал учение социалистов.

Петербургский градоначальник Н. М. Баранов говорил о слабости председателя Э. Я. Фукса, который позволил подсудимым подробным образом объяснять их воззрения.

Судебные эксперты высоко оценили техническую сторону взрывных устройств, изготовленных Кибальчичем. Сам Кибальчич заявил, что по характеру своему не способен совершать убийства, но для помощи революционерам изготавливал орудия, необходимые для их замыслов.

Карл Маркс, следивший за процессом первомартовцем, одобрительно отзывался о них: «Это действительно деловые люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, геройские».

Прокурор Николай Муравьев в заключение обвинительной речи потребовал казни для всех убийц.

Защитник Кибальчича Герард на суде восхищался тем, что в преддверии суда Кибальчич думал не о своей будущей участи, а о проекте воздухоплавательного прибора. Кибальчич в своем слове на суде сказал, что его участие в убийстве царя было чисто научное.

Кибальчич заявил: «Господин прокурор в своей речи, блестящей и красивой, заявил сомнение на мое возражение, высказанное раньше, что для меня лично и для партии вообще желательно прекращение террористической деятельности и направление силы партии исключительно на деятельность другую. Он выставил, в частности, меня и вообще партию лицами, проповедующими террор для террора, выставил лицами, предпочитающими насильственные действия мирным средствам только потому, что они насильственные. Какая это страшная, невероятная любовь к насилию и крови! Мое личное желание и желание других лиц, как мне известно, мирное решение вопроса».

Кибальчич не стал просить помилования.

Но незадолго до казни Николай Кибальчич написал Александру Третьему письмо.

Письмо Н. И. Кибальчича Александру III

31 марта 1881 г.

Ваше Императорское Величество!

Не из личных побуждений и эгоистических желаний обращаюсь я к Вашему Величеству с этим прошением. Мною руководит лишь одно чувство любви к родине и скорбь о ее страданиях. Осмеливаюсь надеяться, что Ваше Величество выслушает мой голос – голос человека, желающего высказать одну беспристрастную истину.

В эти предсмертные минуты одно тревожит мой измученный ум – мысль о будущем нашей родины. Прекратятся ли ее страдания и несчастья, дождется ли она наконец счастья и свободы или еще долго будет стонать под гнетом всевозможных бедствий. Прекратятся ли наконец те условия, которые создали террористическое направление деятельности русской социально-революционной партии.

Я был тоже участником террористических актов, несмотря на то, что по складу своего характера тяготел к мирной общественной деятельности, а по свойствам своего ума имел стремление к спокойным научным занятиям; я не в силах был противиться тому историческому течению, которое толкнуло целую группу лиц на террористическую борьбу. Тем не менее я всегда страстно желал и желаю, чтобы исчезли причины существования революционного террора, чтобы партия с пути насилия могла перейти на мирный путь культурно-общественной деятельности.

И не один я, а все мои товарищи по процессу желают этого, как они и заявили на суде. Я нисколько не погрешу против истины, если скажу, что того же желает и вся партия.

Но только воля Вашего Величества может прекратить возможности повторения тех ужасных событий, которые произошли за последнее время. Ваше Величество можете вывести страну из того невыносимого положения, в котором она находится.

Ваше Величество! Не казнь, а последствия нашей казни смущают меня. Только из опасения этих последствий я решаюсь просить Ваше Величество –

*отменить смертный приговор Особого присутствия
Сената.*

Сын священника Николай Иванович Кибальчич.

1881 года 31 марта.

Ответа не последовало. Кибальчич написал второе письмо царю, ответом на которое также было молчание.

Письмо Н. И. Кибальчича Александрю III

2 апреля 1881 г.

Ваше Императорское Величество! Не как человек партии, прибегающий ради партийных интересов к преувеличениям и неправде, а как человек, искренно желающий блага родине, искренно ищущий мирного выхода из теперешнего невозможного положения, имею я честь обратиться к Вашему Величеству с этим письмом; я считал бы себя счастливым, если бы мог надеяться, что мое заявление хоть в самой слабой степени поспособствует выходу из того заколдованного круга, в котором очутилась наша страна. Прежде всего я должен, хоть в самых кратких словах, коснуться известного настроения революционной партии и тех причин, которые вызвали это настроение. Раз исчезнут эти причины – исчезнет и настроение, вызванное ими.

Я хорошо знаю то настроение, которое господствовало среди русских социалистов за время от 1873 по 1877 год. Молодежь шла в народ с надеждой развить в народе путем словесной пропаганды и личного примера социалистические воззрения и привычки. Если она и допускала в идее насилие, то только в будущем, когда большинство народа проникнется социалистическим воззрением, пожелает изменения форм общежития согласно с этими воззрениями и, встретив в этом отношении противодействие со стороны правительства и привилегированных классов, принуждено будет вступить с ними в открытую борьбу. На том основании частные крестьянские бунты признавались социалистами не только бесполезными, но даже вредными, так как они цели достигнуть не могли, а между тем последствия их производили еще большую запуганность и подавленность среди крестьянского населения. По отношению к вопросу о политической свободе социалистическая молодежь того времени выказывала полнейший (хотя в значительной степени неискренний) индифферентизм, считая политические вопросы несущественными в решении коренной задачи – социально-экономического освобождения народной массы. При таком взгляде на значение политических учреждений не могло, конечно, быть и речи

о какой-либо вооруженной борьбе для достижения политической свободы. Некоторые впадали даже в нелепую крайность, признавая, что политическая свобода России скорее повредила бы делу экономического освобождения народа, чем помогла бы, так как, по их мнению, при свободных политических учреждениях у нас развился бы класс буржуазии, с которой народу бороться труднее, нежели с системой бюрократического правления. Насколько среди партии господствовало в то время миролюбивое настроение – лучше всего видеть из следующего факта: из массы лиц, привлекавшихся по политическим делам за пятилетие 1873–1878 годов, только одним лицом было совершено то, что можно назвать фактом насилия, а именно выстрел, сделанный при аресте Цициановым в околоточного надзирателя.

Конечно, у пропагандистов этого периода проявлялось много иллюзий, юношеской неопытности и незнания жизни. Уже одна идея – в короткий промежуток времени путем лишь словесной и книжной пропаганды и при наличности всех существующих условий государственной и общественной жизни достигнуть того, что большинство народа сознательно усвоит себе принципы социализма, – такая идея, господствовавшая среди пропагандистов, лучше всего показывает их юношескую неопытность. Но много великих несчастий произошло, много потерь понесли народ и общество от того, что этой молодежи, стремившейся в народ, правительство поставило всевозможные препятствия и подвергло пропагандистов неумолимым преследованиям. В самом деле, что произошло бы, по всей вероятности, если бы правительство в то время допустило бы полную свободу социалистической пропаганды? Масса молодежи, стремившейся в народ, расположилась бы для целей пропаганды по селам, фабрикам и городам. Часть из этой молодежи, менее серьезная и менее устойчивая, убедившись на опыте, что успешное ведение пропаганды в народе, особенно на первых порах, требует от пропагандиста большой опытности, выдержки и настойчивости, сама, добровольно, отказалась бы от деятельности в народе, как от непосильной задачи. Но другая часть молодежи, более опытная, самоотверженная, энергичная, осталась бы в народе. Здесь она очень скоро отделилась бы от иллюзий, вроде той, что путем пропаганды в народе в течение 10–15 лет

можно произвести социальную революцию, и отнеслась бы к своей задаче трезво, согласно с реальными условиями среды: она изменила бы свою теоретическую программу социализма сообразно с положением общественной среды и приориовила бы свою пропаганду к умственному и нравственному уровню народа. Ее деятельность в народе была бы гораздо более широкой, мирной и культурной, чем революционной: пропагандисты учили бы крестьян грамоте, сообщали бы им сведения из области естественных, исторических и общественных наук, старались бы распространить в крестьянстве идею более справедливых общественных форм, чем те, которые существуют, и своим личным примером стремились бы развить в народе такие привычки и понятия, которые необходимы для осуществления лучших форм общежития, и т. д. Вся же собственно революционная часть деятельности пропагандистов исчерпывалась бы лишь тем, что они вместе с критикой существующего строя внушили бы народу идеи о необходимости открытой силой добиваться иного общественного устройства – в том случае, если высшие классы и правительство не захотят добровольно отказаться от своих привилегированных прав и удовлетворить требованиям народной массы. Я глубоко убежден, что если бы с самого начала социалистического движения, т. е. с 1873 г., была бы предоставлена пропагандистам полная свобода слова, то от этого выиграли бы все общественные элементы нашей страны: и социально-революционная партия, и народ, и общество, и даже правительство.

В самом деле партия выиграла бы потому, что теперь она была бы численно больше, имела бы прочные связи и пользовалась бы несомненным влиянием среди деревенского и городского населения, словом, сделалась бы, вероятно, теперь, после 8-летней усиленной пропаганды, народной партией в действительном значении этого слова. Народ выиграл бы потому, что социалистическая молодежь при подобных условиях внесла бы в его мирозерцание и жизнь массу света, массу знаний и высоких нравственных примеров, народ узнал бы о существовании дружественной ему части интеллигенции, полюбил бы ее и признал бы ее своей защитницей и руководительницей. Общество было бы избавлено от той массы страданий, какую причинила бы ему гибель нескольких тысяч его детей, сосланных и засаженных в

тюрьмы, оно не пережило бы тех ужасов, какие ему доставила казнь двух десятков лиц...

Правительство выиграло бы потому, что тех ужасных террористических актов, которые совершила революционная партия, наверно, не было бы, если бы, во-первых, не было воздвигнуто против партии целого ряда непрерывных преследований, а во-вторых, не был бы поставлен целый ряд препятствий для деятельности партии в народе.

Правда, защитники системы беспощадного преследования пропагандистов могут заметить, что деятельность партии в народе угрожает большими опасностями в будущем для существующего государственного строя, что пропагандисты, свободно допущенные в народ, могли там произвести революцию или по крайней мере крупный бунт. Но разве возможно одними лишь усилиями партии, как бы она ни была многочисленна и влиятельна, вызвать народную революцию?

Революция вызывается целым рядом исторических причин общей совокупности хода исторических событий, между которыми сознательная деятельность революционной партии является лишь одним из факторов, имеющих большее или меньшее значение, смотря по силам партии. Поэтому и у нас социально-революционная партия при полной свободе своей пропагандной деятельности в народе вызвать революцию или восстания никоим образом не могла бы. Все, что она могла бы сделать при всех своих усилиях, это – внести большую сознательность и организованность в народное движение, сделать его более глубоким и менее кровопролитным, удерживая восставшую массу от частных насилий, словом, партия может лишь до известной степени направить движение, а не вызвать его. И мне кажется, что, смотря даже с точки зрения привилегированных классов и правительства, раз народное восстание неизбежно, то гораздо лучше, если во главе его явится сознательно направленная революционная интеллигенция, так как без умственного и нравственного влияния революционной интеллигенции на восстание оно может проявиться лишь в той же дикой, стихийной и беспощадной форме, в какой оно проявилось в XVIII веке.

Итак, с какой бы точки зрения ни посмотреть на

преследования социалистов, эти преследования принесли всем один лишь неисчислимый вред. Поэтому первое практическое заключение для русских государственных людей, желающих блага родине, может быть только следующее: нужно навсегда оставить систему преследования за пропаганду социалистических идей, нужно вообще дать стране свободу слова и печати. Но тут представляется вопрос. Допуская свободу социалистических идей вообще, возможно ли допустить также свободу пропаганды террористических идей? Я уже имел честь указать, что террористические идеи среди партии явились лишь как последствие тех внешних условий, в которые была поставлена партия, что эти идеи составляют не сущность, а скорее постороннюю примесь социалистического учения. С исчезновением причин исчезнут и следствия. Поэтому и установление свободы слова и печати при осуществлении еще других некоторых мер сделаются немислимыми, как сами террористические факты, так и словесная или письменная пропаганда таких фактов.

Но здесь представляется еще следующее возражение. Допустим, скажут, что будут отменены те статьи закона, которые стесняют свободу слова и печати. Может быть, несколько лет тому назад этой одной меры и: было бы достаточно, чтобы предотвратить появление террористических фактов, но можно ли этой мерой ввести партию в легальные границы теперь, когда она в своих задачах дошла до требования политического переворота? Действительно, года два тому назад желания социалистов ограничивались лишь тем, чтобы было прекращено преследование партии и дозволена ей свобода пропаганды в народе, но, исходя из этого положения, партия логически пришла к тому выводу, что свобода для социалистов невозможна без общей свободы для всего населения, а общая свобода невозможна без коренного изменения всей политической системы. Таким путем партия пришла к идее политического переворота, который, по ее мнению, является необходимостью не только для нее, но и для всей страны, страдающей от административного произвола и лишенной элементарных политических прав. Но какие средства представлялись партии для достижения сознанной ею необходимости политических изменений? Во всякой другой стране при всеобщем недовольстве политическими формами

произошло бы одно из двух: или политическая революция, совершенная массой городского населения, или давление на правительство общественного мнения, требующего посредством тех или других общественных органов уступок или изменений, вызываемых сознанием необходимости. В России ни тот, ни другой способ в настоящее время невозможны. Правда, партия долгое время не оставляла надежды, что наше общественное мнение так или иначе заявит свое несочувствие установившейся политической системе и тем понудит правительство свою внутреннюю политику изменить.

С этой целью партия несколько раз по поводу различных событий обращалась с воззваниями к обществу в надежде возбудить вмешательство общества в ее борьбу с правительством. Но, несмотря на все это, партия, вероятно, все-таки не прибегала бы к системе террора, если бы преследования не обострились до крайней степени. Но история судила иначе, положение вещей все обострялось и обострялось, и, наконец, образовался тот заколдованный круг, в котором казни вызывают взрывы, а взрывы вызывают новые казни и т. д.

Но прежде чем дать свой посильный ответ на поставленный раньше вопрос – какими мерами возможно уничтожить этот заколдованный круг, одинаково ужасный для всех попавших в него? – я позволю себе сделать еще следующее замечание. Я нисколько не погрешу против истины, если скажу, что все выдающиеся члены партии, известные мне, страстно желали бы прекращения тех условий, которые создали террористическое направление партии, желали бы мирного исхода из теперешнего критического положения. В подтверждение я могу сослаться лишь на те заявления, которые делались подсудимыми и на нашем суде. Все подсудимые, в том числе и я, заявили, что они предпочитают мирный путь решения вопроса насильственному и что только лишь необходимость, против которой они не в силах были бороться, толкнула их на тот путь, который привел к ряду ужасных катастроф. Среди партии не существует доктринеров терроризма, которые предпочитали бы насильственный путь решения социальных вопросов мирному. Таким образом, в настроении, господствующем среди партии, не может явиться препятствия к мирному исходу из современного положения.

Переходя теперь к вопросу о таком исходе, я сознаю,

что у меня нет ни достаточного таланта, ни красноречия, чтобы ярко и убедительно изложить мою мысль. Но я знаю, что верная мысль об известном предмете может быть только одна, в какую бы форму она ни была облечена. Какое же в данном случае может быть единственно верное решение вопроса? Мы раньше поставили вопрос – можно ли думать, что дарование свободы слова и печати заставит партию добровольно сойти с пути насилия? Да, положив руку на сердце, я могу сказать, что партия откажется тогда от насильственных действий, если еще вместе с указанной мерой будут осуществлены некоторые другие меры, неразрывно связанные с первой. Решив высказать свое мнение с полной откровенностью, я должен указать и на эти меры. В числе этих мер нужно признать безусловно необходимой отмену смертной казни. Конечно, партия не может искренно требовать, чтобы всем политическим заключенным была дарована амнистия, она понимает, что лица, обвиненные в участии в террористических актах, не могут не быть присуждены к более или менее тяжким наказаниям. Но раз будет дарована свобода слова и печати, естественно, что должна быть дарована широкая амнистия всем тем политическим заключенным и ссыльным, которые не совершили никаких насильственных действий.

Ваше Величество! Я высказал свою мысль: эта мысль, конечно, не нова и не оригинальна и разделяется очень многими лицами – лицами, даже враждебными социалистам. Возможны лишь два средства выхода из настоящего положения: или поголовное истребление всех террористов, или свобода, которая является лучшим средством против насилия. Но истребить всех террористов немыслимо, потому что ряды их постоянно пополнялись свежими силами, готовыми на всякое самопожертвование для целей партии. Остается лишь путь свободы. История показывает, что самые крайние по своим идеям партии, прибегавшие к насилию и убийству, когда их преследовали, делались вполне мирными и даже более умеренными в своих задачах, когда им дозволяли свободу исповедования и распространения своих идей. Очень часто даже преследование какой-нибудь идеи не подавляет ее, а содействует ее распространению. Я убежден, что если бы всем лицам нашего образованного общества было предоставлено высказать свободно свои

мнения, то большинство ответов вполне сходились бы с высказанной мною мыслью.

Вы, Ваше Величество, можете сделать все для блага России. Опираясь на народные интересы и желания, Вы, Ваше Величество, можете свершить величайшие политические и экономические изменения, которые навсегда обеспечат свободу и благосостояние народа. Одна воля Вашего Величества может сделать то, что в других государствах может быть достигнуто лишь путем страстной борьбы, насилий и крови. Против царя – социального реформатора – немыслима никакая крамола. Царь, силой своей власти осуществляющий в действительности народные желания и интересы, имел бы в революционерах не врагов, а друзей. И социальная партия вместо работы разрушительной, сделавшейся ненужной, принялась бы тогда за работу мирную и созидательную на ниве своего родного народа.

Николай Иванов Кибальчич.

1881 года 2 апреля.

Резолюция царя на письмо: «Нового ничего нет. Фантазия больного воображения, и видна во всем фальшивая точка зрения, на которой стоят эти социалисты, жалкие сыны Отечества».

С просьбой о помиловании осужденных к царю обратился Лев Толстой.

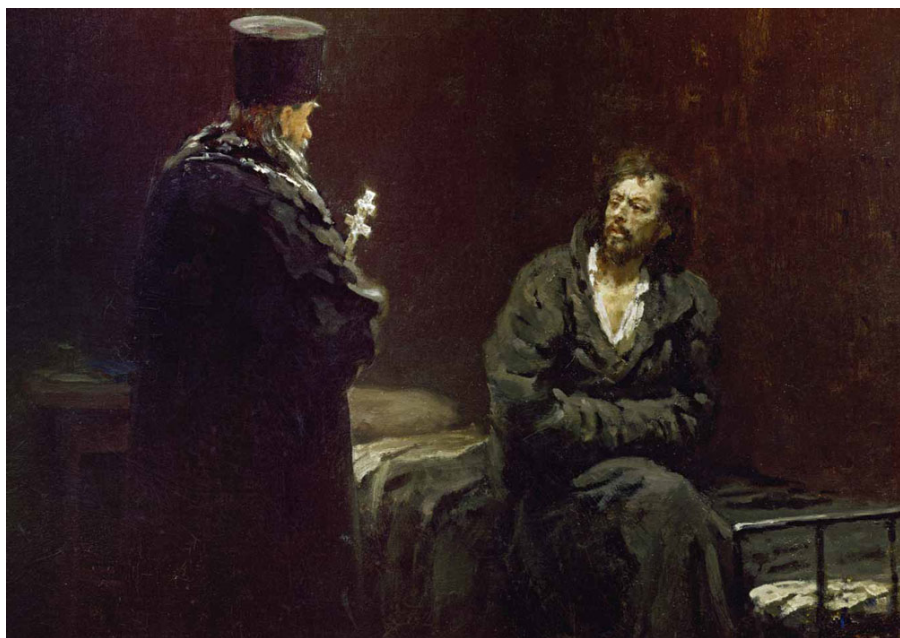
Кибальчич перед смертью долго спорил с приглашенным к осужденным священником по религиозным вопросам. От исповеди и причастия отказался.

На эшафоте целовать крест Кибальчич не стал. Пятерых убийц императора повесили на черной виселице.

Место захоронения первомартовцев долго держалось в тайне.

«Под конвоем. По грязной дороге». Художник И. Е. Репин.

«Отказ от исповеди перед казнью». Художник И. Е. Репин.

«Казнь заговорщиков в России». Художник В. В. Верещагин.

Ходили слухи, что в Англии до 1917 года жил сын Кибальчича, русский эмигрант. Родство приписывалось маршалу авиации Голованову, которого называли внуком Кибальчича (его мать якобы родилась в тюрьме).

В. Н. Фигнер: «Для замышляемой борьбы с самодержавием было нужно средство страшное и разрушительное... Давно, еще с 1874 года, говорили о динамите... Квятковский соединил руки Исаева, Кибальчича и приехавшего из-за границы Степана Ширяева, и эти три лица, принеся каждый свои специальные знания, создали ко времени разделения „Земли и воли“ в обстановке обыкновенного жилища целые пуды взрывчатого вещества, которого хватило Исполнительному комитету на покушение в Москве и на мины под Одессой и Александровском... В лице Халтурина эти техники – Исаев и Кибальчич – вошли в Зимний дворец, и 5 февраля 1880 года его стены задрожали от взрыва, приготовленного ими. Под их же руководством опускались у Каменного моста гуттаперчевые подушки, набитые динамитом. Они, Исаев и Кибальчич, вместе с Грачевским и Сухановым сидели в ночь на 1 марта над бомбами».

Л. Г. Дейч: «По натуре он (Кибальчич) действительно не был ярым революционером – он не рвался бы на отчаянные, удалые предприятия, не находил бы, быть может, удовольствия в самой опасности, в боевом огне, как это у некоторых бывает, – но он,

несомненно, был революционер по мысли, по убеждениям и к тому же безусловно смелый человек, равнодушный к опасности, не останавливающийся перед нею или, вернее – вовсе о ней не думающий».

Председатель суда Э. Я. Фукс: «Подсудимые вели себя независимо и в высшей степени стойко. Кибальчич – вот замечательный ум, необыкновенная выдержка, адская энергия и поразительная стойкость...»

С. Иванов: «Как пример ходивших мнений приведу слова одного генерала, и не какого-нибудь тронутого тлетворными влияниями, а заправского генерала старого времени, сослуживца и приятеля самого Тотлебена. Этот генерал произнес следующий приговор над Желябовым и Кибальчичем: „Что бы там ни было, что бы они ни совершили, но таких людей нельзя вешать. А Кибальчича я бы посадил крепко-накрепко до конца его дней, но при этом предоставил бы ему полную возможность работать над своими техническими изобретениями“».

Н. Саламанов, генерал-майор: «У Александра III хранился странный альбом. По признанию царя, в этом альбоме были собраны портреты русских революционеров. И среди этих фотографий был снимок Николая Кибальчича, народовольца, создавшего конструкцию взрывателя и изготовившего мины, одной из которых и был убит царь».

Н. И. Кибальчич, 1881 г.: «Если бы обстоятельства сложились иначе, то ни крови, ни бунта не было бы... Ту изобретательность, которую я проявил по отношению к метательным снарядам, я, конечно, употребил бы на изучение кустарного производства, на улучшение способа обработки земли, на улучшение сельскохозяйственных орудий и т. д.»

Л. Г. Дейч: «С Николаем Ивановичем Кибальчичем мое знакомство было более продолжительно, чем с вышеназванными двумя участниками в деле 1 марта. Он был олицетворением простоты, скромности и доброты. Кибальчич вовсе не был завзятым революционером и менее всего походил на фанатика. Террор он признавал лишь как неизбежное для русских революционеров зло в данную эпоху. Спокойный кабинетный ученый, до изумительности способный увлечься любой специальной наукой, Кибальчич был мирным социалистом-пропагандистом, и, как это видно из сделанных им на суде заявлений, он по основным своим воззрениям остался таковым до последнего момента жизни. Если он примкнул к террору, то лишь потому, что убедился в невозможности иным путем принести пользу своей родине. На самом себе он испытал весь ужас господствовавших у нас благодаря самодержавию порядков.

Кибальчич видел, что для честного человека совершенно закрыты все пути к мирной общественной деятельности. Уже один тот факт, что такой миролюбивый и скромный человек примкнул к террору, служит наилучшим доказательством, что последний был неизбежен. В другой стране Кибальчич, несомненно, стал бы выдающимся ученым. Разве не в высшей степени характерно, что даже в тот момент, когда воздвигалась для него виселица, он в последнем слове на суде говорил о чертежах и выкладках, касающихся изобретенного им летательного снаряда. Поистине ужасен тот строй, в котором таких людей возводят на эшафот!»

М. Валье, немецкий инженер, пионер ракетостроения: «Убежденный революционер в политике, отдавший свою жизнь в борьбе с самодержавием, Н. И. Кибальчич оказался и крупнейшим революционером в науке и технике».

А. Тырков, участник убийства Александра Второго, избежавший суда из-за душевной болезни: «Он был слишком философ. Он вел себя как человек, стоящий вне партийных страстей, руководствующийся в своей программе общественной деятельности исключительно научным анализом современности. Такое бесстрашие, такое подчинение себя объективным выводам действовали успокоительно и примиряли с ним его противников. Я слышал в тюрьме, вероятно от жандармов, что, когда его арестовали, он сейчас же принялся за свои чертежи и чертил, пока ему не принесли бумаги, прямо на стене камеры. Чертежи касались его проекта воздушной лодки. Его прямо редкое, бросавшееся в глаза спокойствие на суде и в течение всех последних дней его жизни было результатом не столько подавляющей в себе волнение силы воли, сколько силы обобщающей мысли, принимающей все причины и следствия как нечто неизбежное. Он как будто и себя самого, и свою судьбу ставил в ряд той же неизбежной цепи явлений».

Один из самых серьезно образованных людей партии, он стоял в ней, как мне казалось, особняком. Правда, я ни разу не видел его вместе с другими главарями-народовольцами, т. ч. мне трудно судить о их взаимных отношениях. Но во всяком случае он стоял вне конспиративной сутолоки с ее бесконечными свиданиями, толкучкой на т. наз. радикальных квартирах, где можно было всегда застать „радикалье“ всех оттенков. Я виделся с ним только у себя и больше нигде его не встречал. Наше знакомство носило чисто частный характер, не было связано ни с какими партийными интересами. Я знал, что он помещает рецензии по философии и общественным наукам. Раз как-то он показывал мне свою статьи об общине, где он, помнится,

доказывал значение общины как формы, заключающей зародыши высших экономических отношений. Его отношение к делам партии мне было совсем неизвестно, т. ч. я даже спросил Гесю Гельфман о нем. Она мне сказала: „О, он у нас техник“.

Разговоры наши велись на общие темы... Пропаганда, агитация, одним словом, возня с отдельными личностями была, как мне кажется, вне сферы его интересов. Смутно помнится, что он переживал тяжелый кризис, стоял на распутье. Может быть, после этого кризиса, поняв, как важно человеку самому определить свою дорогу, он не хотел никому внушать своих настроений своим личным, непосредственным влиянием а может быть, просто он был поглощен другим.

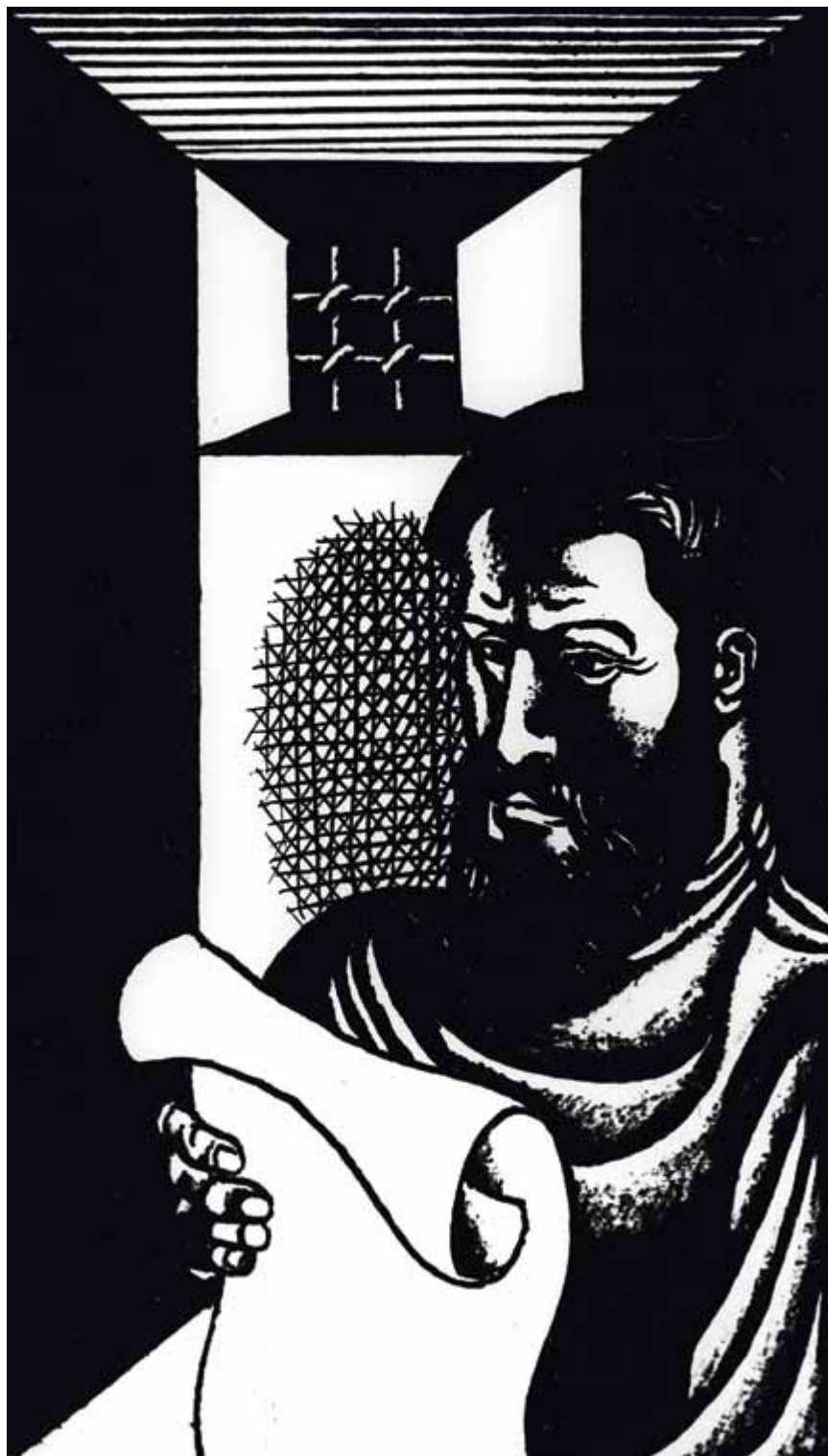
Только раз за все время знакомства, уже зимой 81-го г., он заговорил со мной о делах партии, именно о денежных ее затруднениях. В Петербурге был тогда наездом орловский или тульский помещик, некто Филатов, теперь уже покойный. Размера его средств я не знал, но слышал, что средства были. Это был в высшей степени нервный, при этом совершенно сумасбродный человек. Я предложил тем не менее Кибальчичу попытать счастья получить у Филатова денег. Мы назначили общее свидание, но Филатов денег не дал. Кибальчич потом сказал мне: „Разве можно с таким дураком дело иметь“.

В обращении у него была простота умного, развитого человека, больше занятого своими мыслями и общими интересами, чем собой и самолюбивыми мелкими счетами. У него была своеобразная привычка щурить глаза и пристально смотреть куда-то в сторону, точно там мерцала какая-то отдаленная точка, на которой он концентрировал свою мысль.

В обыденной жизни он был, по всей вероятности, непрактичен, так как та же Гельфман рассказывала мне про него анекдот такого рода. Собралось несколько человек, в том числе Кибальчич, и все были очень голодны. Кибальчич вызвался принести что-нибудь поесть и принес... красной смородины. Гельфман хохотала до слез и все повторяла: „Красной смородины“. Помню, ему нравилась мысль, высказанная в прокламации по поводу чуть ли не соловьевского покушения. Там говорилось, что Россия обратилась бы в стоячее болото, если бы в ней не появились люди, с таким самоотвержением заявляющие свой протест, что иначе для нее наступила бы нравственная смерть.

Последний раз я видел его после 1 марта. Мы встретились на улице, но долго оставаться вместе находили неудобным. Я спросил его о разрушительном действии мины на Садовой улице, т. е. могла ли пострадать публика на тротуарах и в домах. Он дал

мне такое же объяснение, какое давал на суде, т. е., по его расчету, сила взрыва не могла распространиться на тротуары. При прощанье он задал мне такой вопрос: „Заметили ли вы, что наши женщины жесточе нас, мужчин?“ Не помню, что я ему ответил: мы распрощались с ним... и уже навсегда».

Фрагмент репродукции рисунка художника Петра

Е. К. Брешко-Брешковская, революционерка, участвовавшая в «хождении в народ», одна из создателей партии эсеров: «Знающие Кибальчича не могут удивляться его философски спокойной кончине. Он не был ни на йоту боевым человеком, он не способен был поднять руку на себе подобное существо, он не мог быть и хладнокровным в такую минуту, когда приходится сражаться. Но при его глубоком убеждении в правоте своего дела, при его способности сливаться всей душой с любимой идеей он, конечно, мог спокойно глядеть в глаза смерти, более спокойно, чем большинство других людей. И накануне смерти его, как известно, тревожила только судьба его проекта воздухоплавания, как Архимеда – судьба его кругов».

Н. И. Кибальчич: «Я признаю себя принадлежащим к русской социально-революционной партии и, в частности, к обществу „Народной воли“».

Но повторяю, что я близко стоял только к технической стороне дела; относительно же других сторон предприятия я не имел решающего голоса.

...Позднее террористическая деятельность в глазах партии, и в том числе и меня, стала представляться не только как средство для наказания начальствующих лиц за их преследования социалистов, но и как орудие борьбы для достижения политического и экономического освобождения народа.

Я признаю, что я сделал все части как тех двух метательных снарядов, которые были брошены под карету Императора, так и тех, которые были впоследствии захвачены в Тележной улице. Изобретение устройства этих снарядов принадлежит мне, точно так же как все части их: ударное приспособление для передачи огня запалу и взрывчатое вещество – гремучий студень – были сделаны мной».

Проект воздухоплавательного прибора бывшего студента Института инженеров путей сообщения Николая Ивановича Кибальчича, члена русской социально- революционной партии

«Находясь в заключении, за несколько дней до своей смерти, я пишу этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении.

Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству. Я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью. Поэтому я умоляю тех ученых, которые будут рассматривать мой проект, отнестись к нему как можно серьезнее и добросовестнее и дать мне на него ответ как можно скорее.

Прежде всего считаю нужным заметить, что, будучи на свободе, я не имел достаточно времени, чтобы разработать свой проект в подробностях и доказать его осуществление математическими вычислениями. В настоящее время, я, конечно, не имею возможности достать нужные для этого материалы. Следовательно, эта задача – подкрепление моего проекта математическими вычислениями – должна быть сделана теми экспертами, в руки которых попадет мой проект. Кроме того, я не знаком с той массой подобных же проектов, которая появилась за последнее время, т. е., вернее сказать, мне известны приблизительные идеи этих проектов, но неизвестны те формы, в каких изобретатели думают осуществить свои идеи. Но, насколько мне известно, моя идея еще не была предложена никем.

В своих мыслях о воздухоплавательной машине я прежде всего остановился на вопросе: какая сила должна быть употреблена, чтобы привести в движение такую машину. Рассуждая а priori, можно сказать, что сила пара здесь непригодна, я не помню точно, какой процент тепловой энергии,

переданный пару нагреванием, утилизируется в виде работы, но знаю, что этот процент весьма невелик. Между тем паровая машина громоздка сама по себе и требует много угольного нагревания для приведения в действие. Поэтому, я думаю, что какие бы приспособления ни были приделаны к паровой машине – вроде крыльев, подъемных винтов и проч., – паровая машина не в состоянии поднять самое себя на воздух.

В электродвигателях гораздо большая доля переданной энергии утилизируется в виде работы, но для большого электродвигателя нужна опять-таки паровая машина. Положим, что паровая и электродвигательная машины могут быть установлены на земле, а гальванический ток может по проволокам, наподобие телеграфных, передаваться воздухоплавательному прибору, который, скользя, так сказать, особой металлической частью по проволокам, получает ту силу, которою можно привести в движение крылья или другие подобные приспособления снаряда. Не берусь утверждать, что подобное устройство летательного снаряда возможно, но если бы оно и было возможно, то во всяком случае оно было бы неудобно, дорого и не представляло бы никаких преимуществ перед движением по рельсам.

Фрагмент репродукции рисунка художника Петра

Многие изобретатели основывают движение воздухоплавательных снарядов на мускульной силе человека, как, например, доктор Аренд. Беря типом устройства своих проектируемых машин птицу, они думают, что можно устроить такие приспособления, которые, будучи приведены в движение собственной силой воздухоплавателя, позволят ему подниматься и летать по воздуху. Я думаю, что если и возможно устроить такого типа летательное приспособление, что оно все-таки будет иметь характер игрушки и серьезного значения иметь не может.

Какая же сила применима к воздухоплаванию? Такой силой, по моему мнению, являются медленногорящие взрывчатые вещества.

В самом деле при горении взрывчатых веществ образуется более или менее быстро большое количество газов, обладающих в момент образования громадной энергией. Я не помню в точности, какую работу, если выразить ее в килограммометрах, производит воспламенение 1 фунта пороха, но, если не ошибаюсь, 1 фунт пороха, будучи взорван в земле, может выбросить земляную глыбу, весящую 40 пудов. Словом, никакие другие вещества в природе не обладают способностью развивать в короткий промежуток времени столько энергии, как взрывчатые.

Но каким образом можно применить энергию газов, образующихся при воспламенении взрывчатых веществ, к какой-либо продолжительной работе? Это возможно только под тем условием, если та громадная работа, которая образуется при горении взрывчатых веществ, будет образовываться не сразу, а в течение более или менее продолжительного промежутка времени. Если мы возьмем фунт зернистого пороха, вспыхивающего при зажигании мгновенно, спрессуем его под большим давлением в форму цилиндра и затем зажжем один конец этого цилиндра, то увидим, что горение не сразу охватит цилиндр, а будет распространяться довольно медленно от одного конца к другому и с определенной скоростью. Скорость распространения горения в прессованном порохе определена из многочисленных опытов и составляет 4 линии в секунду.

На этом свойстве прессованного пороха основано устройство боевых ракет. Сущность этого устройства состоит в следующем. В жестяной цилиндр, закрытый с одного основания и открытый с другого, вставляется плотно цилиндр прессованного пороха, имеющий по оси пустоту в виде сквозного канала: горение прессованного пороха начинается с поверхности этого канала и распространяется в течение определенного промежутка времени к

наружной поверхности прессованного пороха; образующиеся при горении пороха газы производят давление во все стороны, но боковые давления газов взаимно уравниваются, давление же на дно жестяной оболочки пороха, не уравновешенное противоположным давлением (так как в эту сторону газы имеют свободный выход), толкает ракету вперед по тому направлению, на котором она была установлена в станке до зажигания. Траектория полета ракеты составляет параболу, подобно траектории ядер, выпущенных из орудий.

Представим себе теперь, что мы имеем из листового железа цилиндр известных размеров, закрытый герметически со всех сторон, и только в нижнем дне своем заключающий отверстие известной величины. Расположим по оси этого цилиндра кусок прессованного пороха цилиндрической же формы и зажжем его с одного из оснований; при горении образуются газы, которые будут давить на всю внутреннюю поверхность металлического цилиндра, но давления на боковую поверхность цилиндра будут взаимно уравниваться, и только давление газов на закрытое дно цилиндра не будет уравновешено противоположным давлением, так как с противоположной стороны газы имеют свободный выход – через отверстие в дне.

Я в точности не знаю, нужно ли для соблюдения условия медленности и правильности горения заключить прессованный порох в плотно прилегающую к нему оболочку. Но если бы заключение в оболочку и было необходимо, то это все-таки не помешало бы употреблению прессованного пороха для устройства аппарата.

Если цилиндр поставлен закрытым дном кверху, то при известном давлении газов, величина которого зависит, с одной стороны, от внутренней емкости цилиндра, а с другой стороны – от толщины куска прессованного пороха, цилиндр должен подняться вверх.

Я не имею под руками данных, которые позволили бы хотя приблизительно определить, какое количество прессованного пороха должно сгореть в единицу времени для того, чтобы при данных известных размерах цилиндра и известной величине его тяжести образующиеся при горении пороха газы могли бы оказать на дно цилиндра такое давление, которое уравновесило бы силу тяжести цилиндра. Но я думаю, что на практике такая задача вполне разрешима, т. е., что при данных размерах и весе цилиндра можно, употребляя цилиндрические куски прессованного пороха известной толщины, достигнуть того, что давление газов на дно будет уравнивать тяжесть цилиндра. Реальным подтверждением этого могут служить ракеты. В

настоящее время изготавливаются такие ракеты, которые могут поднять до пяти пудов разрывного снаряда. Правда, пример ракеты не совсем подходит сюда, так как ракеты отличаются такой громадной быстротой полета, которая немыслима для воздухоплавательного прибора, но эта быстрота происходит от того, что в ракете помещают значительные количества прессованного пороха и притом поверхность горения его велика. Если же требуется гораздо меньшая быстрота полета вверх, то и количество пороха, сгорающее в единицу времени, должно быть гораздо меньше.

Итак, вот схематическое описание моего прибора:

В цилиндре А, имеющем в нижнем дне отверстие С, устанавливается по оси, ближе к верхнему дну, пороховая свечка К (так буду я называть цилиндрики из прессованного пороха). Цилиндр А посредством стоек NN прикреплен к средней части платформы Р, на которой должен стоять воздухоплаватель. Для зажигания пороховой свечки, а также для устанавливания новой свечки на место сгоревшей (притом, конечно, не должно быть перерыва в горении) должны быть придуманы особые автоматические механизмы. Так, для установления пороховых свечей по мере их сгорания самым подходящим автоматическим приспособлением было бы приспособление, приводимое в движение часовым механизмом вследствие правильности сгорания пороховых свечей. Но я не коснусь здесь этих приспособлений, так как все это легко может быть разрешено современной техникой.

Представим теперь, что свечка К зажжена. Через очень короткий промежуток времени цилиндр А наполняется горячими газами, часть которых давит на верхнее дно цилиндра, и если это давление превосходит вес цилиндра, платформы и воздухоплавателя, то прибор должен подняться вверх. Заметим, кстати, что в поднимании прибора вверх будет участвовать не одна только сила давления пороховых газов: горячие газы, наполняющие цилиндр А, имеют меньший удельный вес, чем вес вытесненного ими воздуха, поэтому на основании аэростатического закона прибор должен сделаться легче на разницу в весе воздуха, наполнявшего цилиндр А, и весе пороховых газов в нем. Следовательно, здесь встречается также и то выгодное обстоятельство, которое в аэростате составляет причину поднятия. Давлением газов прибор может подняться очень высоко, если величина давления газов на верхнее дно будет во все время поднятия превышать тяжесть прибора. Если же желают остановиться на известной высоте в неподвижном состоянии, то для этого нужно вставить менее толстые пороховые

свечи, так, чтобы давление образующихся газов как раз уравнивалось бы тяжестью прибора.

Таким путем воздухоплавательный прибор может быть поставлен по отношению к воздушной среде в таком же положении, как неподвижно стоящее судно – по отношению к воде. Каким же образом можно двинуть теперь наш аппарат в желаемом направлении. Для этого можно предложить два способа:

Можно употребить второй, подобный же цилиндр, установленный только горизонтально и с обращенным не вниз, а в сторону отверстием в дне. Если в такой цилиндр вставить подобное же приспособление с пороховыми свечками и зажечь свечку, то газы, ударяясь в дно цилиндра, заставят лететь прибор по тому направлению, куда обращено дно. Для того же, чтобы горизонтальный цилиндр можно было установить в каком угодно направлении, он должен иметь движение в горизонтальной плоскости. Для определения направления может служить компас точно так же, как и для плавания на воде.

Но мне кажется, что можно ограничиться и одним цилиндром, если установить его таким образом, чтобы он мог быть наклоняем в вертикальной плоскости, а теперь мог бы иметь конусообразное вращение. Наклонением цилиндра достигается вместе и поддержание аппарата в воздухе, и движение в горизонтальном направлении. Так, положим, что сила давления газов на дно цилиндра выражается графически через P ; разложим эту силу на составляющие Q и R . Если сила Q как раз равняется тяжести прибора, то он будет лететь в горизонтальной плоскости, движимой силой R . Следовательно, цилиндр должен быть наклонен настолько, чтобы летание происходило в горизонтальной плоскости. Для того же, чтобы летание происходило в определенном направлении, нужно конусообразным поворачиванием цилиндра установить ось его в этом направлении. Но при двух цилиндрах достигается, мне кажется, большая правильность полета и большая устойчивость аппарата. Действительно, при двух цилиндрах колебания всего аппарата меньше отклоняют аппарат от желаемого направления, чем при одном. Кроме того, при одном цилиндре труднее достигнуть такой скорости, как при двух.

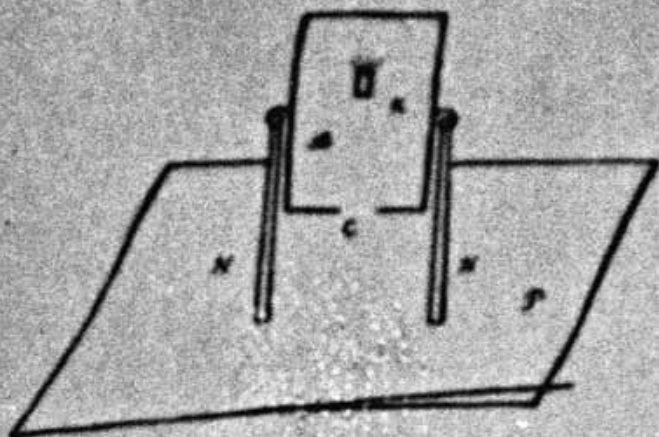

**СХЕМА ЛЕТАТЕЛЬНОГО АППАРАТА КИБАЛЬЧА
ВЫЧЕРЧЕННАЯ АВТОРОМ
НА СТЕНЕ ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЫ СМЕРТНИКОВ.**

Что же касается вообще до устойчивости, то, мне кажется, она будет достаточна, ввиду того, что цилиндры расположены выше тяжелых частей аппарата и притом таким образом, что центр тяжести, по крайней мере одного из них, напр., верхнего, находится на одной отвесной линии с центром тяжести аппарата. Впрочем, для устойчивости могут быть придуманы какие-нибудь регуляторы движения в виде крыльев и т. п. Для того чтобы аппарат опустился на землю, нужно вставлять пороховые свечки постепенно все меньшего диаметра, и тогда аппарат также будет постепенно опускаться.

В заключение замечу, что, по моему мнению, не один прессованный порох может служить для этой цели. Существует много медленно горящих взрывчатых веществ, в состав которых входит тоже селитра, сера и уголь, как и в порох, но только в другой пропорции или с примесью еще других веществ. Может быть, какой-нибудь из этих составов окажется еще удобнее прессованного пороха.

Верна или не верна моя идея – может решить окончательно лишь опыт. Из опыта же можно лишь определить необходимые соотношения между размерами цилиндра, толщиной пороховых свечей и весом поднимаемого аппарата. Первоначальные опыты могут быть удобно произведены с небольшими цилиндриками даже в комнате.

1881 год, 23 марта».

К. Э. Циолковский: «Из этих листочков я смог узнать только о том, что Кибальчич работал над каким-то воздухоплавательным аппаратом. О том, что им еще в 1881 году была выдвинута идея реактивного прибора, я, к сожалению, не знал...

Трогательно, что человек перед страшной казнью имеет силы думать о человечестве.

...Кибальчич хотел применить ракету к полетам в воздухе. С незапамятных времен множество передовых умов мечтало о том же. Кибальчич не успел сделать никаких вычислений. Он предложил для полета помещение с трубой, набитой порохом, о применении реактивного принципа к небесным путешествиям он не думал».

Н. А. Рынин, советский ученый в области воздухоплавания, 1929 г.: «При подходе к проекту Кибальчича со строгой проверкой возможности поднятия аппарата и управления им в полете, конечно, проект не выдерживает критики. Скорость пороховых газов и энергия их недостаточна для поднятия того устройства, которое предвидит автор.

...Работа Кибальчича заслуживает внимания не только потому, что она затронула вопрос о применении реактивного двигателя к полетам, но и потому, что указывает на глубокую любовь автора к новым путям исследования технических вопросов, любовь, которую не мог заглушить суровый приговор, уже объявленный ему, любовь, которая побеждает страх смерти и делает человека почти нечувствительным к земным страданиям...

Нельзя не преклоняться перед человеком, любовь которого к новым изобретениям и работа исследовательской мысли захватывает всего перед казнью, и уверенность которого о несомненно правильном и казавшемся ему новом принципе полета поддерживала и ободряла его перед его близкой кончиной».

Лунный кратер «Кибальчич».

Почтовая марка с портретом революционера Кибальчича.

Основные даты жизни и деятельности Н. И. Кибальчича

[1]

19 октября 1853 г. – В городе Короп (Черниговская губерния) в семье Ивана Иосифовича Кибальчича и Варвары Максимовны (урожденной Иваницкой) родился сын Николай.

1860–1864 гг. – Воспитывался у своего деда Максима Иваницкого в селе Мезин. Окончил сельскую школу.

1864–1867 гг. – Учеба в Новгород-Северском духовном училище.

1867–1869 гг. – Учеба в Черниговской духовной семинарии.

1869–1871 гг. – Учеба в Новгород-Северской гимназии.

1871–1873 гг. – Учеба в Институте инженеров путей сообщения в Петербурге.

1873–1875 гг. – Учеба в Медико-хирургической академии в Петербурге.

11 октября 1875 г. – Арест.

1875–1878 гг. – Заключение в одиночных камерах тюрьмы III отделения в Петербурге, Лукьяновского тюремного замка в Киеве, Дома предварительного заключения в Петербурге.

1 мая 1878 г. – Особым присутствием Сената приговорен к одному месяцу тюремного заключения. Отпущен на поруки адвоката А. А. Ольхина.

20 октября 1878 г. – Переход на нелегальное положение.

1879 г. – Работа в динамитных мастерских.

Май 1879 г. – Вступление в организацию «Земля и воля». Изготовление динамита.

Август 1879 г. – Вступление в организацию «Народная воля». Консультация участников покушения в Москве.

Сентябрь – декабрь 1879 г. – Участие в подготовке покушения в Одессе. Оказание технической помощи в подготовке покушения в Александровске.

Январь 1880 г. – Изготовление динамита для взрыва в Зимнем дворце.

Февраль – декабрь 1880 г. – Организация подпольных типографий. Изготовление мин для покушения под Каменным мостом.

5 февраля 1881 г. – Статья «Политическая революция и экономический вопрос» в газете «Народная воля», № 5.

Февраль 1881 г. – Изготовление мин для покушения на Малой Садовой улице.

28 февраля 1881 г. – Изготовление бомб для покушения на Екатерининском канале.

17 марта 1881 г. – Арест.

17–20 марта 1881 г. – Заключение в одиночной камере секретного отделения Петербургского градоначальства.

20–24 марта 1881 г. – Заключение в одиночной камере тюрьмы Департамента полиции. Написание проекта «Воздухоплавательного прибора».

24 марта 1881 г. – Перевод в одиночную камеру Дома предварительного заключения.

26–30 марта 1881 г. – Суд Особого присутствия Сената. Приговор – смертная казнь.

31 марта 1881 г. – Первое письмо императору Александру III.

2 апреля 1881 г. – Второе письмо императору Александру III.

3 апреля 1881 г. – Казнь через повешение на Семеновском плацу.

30 июля 1918 г. – Постановление Совнаркома РСФСР об установлении памятников великим деятелям социализма и революции, в числе которых указан Н. И. Кибальчич.

20 января 1960 г. – В Коропе открыт Мемориальный музей Н. И. Кибальчича.

1964 г. – Выпущена почтовая марка СССР с портретом Н. И. Кибальчича.

Август 1966 г. – В Коропе установлен памятник Н. И. Кибальчичу.

31 октября 1978 г. – Коропской восьмилетней школе присвоено имя Н. И. Кибальчича. В ознаменование 125-летия со дня рождения Н. И. Кибальчича в Калуге Музеем истории космонавтики выбита настольная медаль и выпущен значок.

Примечания

Все даты до 14 февраля 1918 года даны по старому стилю.